ПИОНЕР

АВГУСТ Издательство „Правда". 1949 г. 8

№ 8
АВГУСТ
1949 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Ю. Яковлев

Знаменосец юный
Поднял над собою
Алое,
Гвардейское
Знамя боевое.

Словно птица,
Реет
Знамя над рядами.
Родина гвардейцам
Доверила знамя.

Полыхает пламенем
Знамя горячо.
Золотые кисти
Бьются о плечо.

Ордена военные
У древка блестят.
Ленин с шёлка алого
Смотрит на солдат.

Под гвардейским знаменем
Воины сильней,
Под гвардейским знаменем
Силы их грозней.

Там, где не пробиться
Воинам штыками, —
Там над полем боя
Поднимают знамя.

Алое полотнище
Встречный ветер рвёт,
Знамя в бой за Родину
Гвардию зовёт.

Отряд идёт по улице,
Ты вперёд взгляни:
Знамя пионерское
Гвардейскому сродни.

Пионеры,
Ленинцы,
Выше алый стяг!
Под отрядным знаменем
Шире,
Твёрже шаг.

★

Золотое перо

Жакан Сыздыков

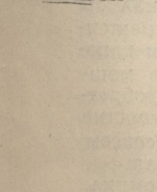
Рис. Е. Ребиковой

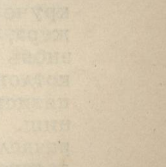

Есть у бабушки для внука
Много старых дивных сказок:
И о сером жеребёнке,
Друге смелого джигита,
И о мальчике проворном,
Бегавшем быстрее зайца,
И о верблюжонке белом
С козьим пухом вместо шерсти,
И о подвигах бессмертных,
Что батыры совершали...
Никогда б не надоело
Муратбеку слушать это!
— Расскажи еще, бабуся,
Сказку новую, такую,
Чтобы обо всём в ней было,
Обо всём, что есть на свете,
Чтобы не было конца в ней —
Было б только продолженье.
Правда, есть такая сказка?
И старушка отвечает,
Говорит бабуся внуку:
— В старину мечтали люди
О пере большом, волшебном,
Золотом пере, которым
Человек, что всех мудрее,
Быль напишет лучше сказки.
Всё, о чём перо ни скажет,
На земле должно свершиться,
И прекраснее не будет

Тех страниц, внесённых мудрым
В книгу жизни человека.
— Кто же, бабушка, скажи мне,
Кто сейчас пером владеет,
Золотым пером, которым
Пишут быль чудесней сказки?
И старушка отвечает,
Говорит бабуся внуку:
— Золотым пером написан,
Внучек мой, закон великий,
По которому все люди
Нашей Родины могучей
Жизнь свою и счастье строят,
По которому летают
В ясном небе самолёты,
И огни электростанций
В голубых горах сверкают,
И меняют русла реки,
И цветут весной зелёной
Белые сады в пустыне,
В Ледовитом океане
Путь свой держат ледоколы,
И летит быстрее ветра
Поезд по стальным дорогам...
А когда на землю нашу
Шёл коварный враг войною,
Золотым пером написан
Был приказ: прогнать безумца!
И врага в бою жестоком
Одолел советский воин,
Ибо, что перо напишет,
То свершится непременно...
Будут новые заводы,
Города расти большие,
И душистыми плодами
Будут тяжелеть деревья.
Эта быль прекрасней сказки,
Каждый день — ей продолженье...
Золотым пером тем пишет
Вождь народа — мудрый Сталин!

ДЕТИ ГОРЧИЧНОГО РАЯ

Н. Кальма **Рис. В. Цельмера**

Дорогие ребята, в прошлом году вы уже познакомились с героями моей новой книги, с американским школьником негром Чарли Робинсоном и его друзьями и врагами. В то время книга «Дети Горчичного Рая» ещё не была закончена, и даже заглавия у неё ещё не было. Но уже совершенно живыми были для меня все люди этой книги — и дети и взрослые.

Горячий, талантливый, мечтающий о свободе и равноправии для своего народа Чарли; рабочий Цезарь Бронкс, потерявший руку и ногу на войне, выгодной для белых хозяев; Нэнси Гоу, сочиняющая стихи о печальной судьбе девочки-мулатки; друг Чарли Василь Гирич, отец которого бежал с Карпат от произвола венгерских магнатов, но так и не нашёл в Америке счастья, — все они вам уже известны по нескольким главам из повести, которые печатались в «Пионере» под общим названием «Староста Чарли». Теперь вы ещё раз встретитесь с ними. Вы опять побываете в городе Стон-Пойнт, где всё: дома, заводы, радио, газеты и даже люди — принадлежит крупному капиталисту, «большому боссу» Милларду.

Миллард, заинтересованный в голосах «цветных» избирателей, помещает в школу негритянского мальчика Чарли Робинсона, сына погибшего на войне механика. Но блестящие способности Чарли, его независимость и чувство собственного достоинства не по вкусу белым хозяевам. Мальчика-негра травят в школе. Организуют травлю одноклассники Чарли — сын директора Фэйни Мак-Магон и его приятель южанин Рой Мэйсон. Они пытаются прогнать Чарли и выбрать старостой класса Мак-Магона, но это им не удаётся.

Мак-Магон и Мэйсон решают расправиться с Чарли на гонках самодельных детских автомобилей, или, как их в шутку называют, «табачных ящиков», которые происходят в день традиционного Праздника Весны.

ГОНКИ «ТАБАЧНЫХ ЯЩИКОВ»

— Внимание! Внимание! Тотчас же после окончания соревнований «малолитражных» машин состоятся гонки машин первой категории. Всего соревнуется одиннадцать машин. Состоятся четыре заезда — по три машины в каждом. Последние две машины будут соревноваться на боковых дорожках!..

Радиорупоры кричали во всё горло. Толпа гудела, волновалась, азартно спорила и заключала пари. Большинство ставило на прошлогодних конкурентов: победителя гонок самодельных автомобилей негра Робинсона и его соперника Мэрфи, который, по слухам, сконструировал какую-то замечательную новую машину по прозвищу «Скакун». «Скакун» — это было ново, звучало заманчиво, и даже взрослые люди ставили крупные суммы на «Скакуна».

Впрочем, говорили, что и негр не ударил лицом в грязь и сделал удивительно красивый и лёгкий автомобиль тоже с завлекательным названием «Серебряная свирель».

Прямое шоссе сперва полого, а потом всё круче и круче спускалось в сторону Гренджера, пересекая широкий котлован, а затем вновь подымалось по другую сторону этого котлована. На вершине холма был старт, а в пятистах метрах, уже на ровном участке, финиш. Девятиметровое полотно шоссе было разделено белыми полосами на три равные дорожки. Обычно со старта отправляли по три машины.

Немного в стороне от места старта, на лужайке, огороженной канатами, происходило взвешивание машин и жеребьёвка. Все машины в зависимости от их веса делились на автомобили первой категории и на лёгкие, или, как их называли сами ребята, «малолитражные».

— «Серебряная свирель»! Вот она, «Серебряная свирель»! — загудели зрители, обступившие плотным кольцом весы.

Все бросились к машине Чарли. Некоторые уже поставили довольно значительные суммы на эту ещё неизвестную машину. И вот она, наконец, здесь, её можно рассмотреть, взвесить все её достоинства и недостатки, даже потрогать руками.

— Слишком лёгкая!

— Без фар, гляди!

— У этого негритёнка вид вполне уверенный!

Смуглый весовщик, увидев Чарли и зная его по прошлогодним гонкам, сказал с удивлением:

— Так ты явился, Робинсон? А нам сказали, что в нынешнем году тебя не будет...

Чарли хотел было спросить, кто сказал это, но тут его оттеснили в сторону.

На весы поставили машину Мэрфи.

Взглядом знатока Чарли сразу определил, что это серьёзная конкурентка его «Свирели». Машина была красива, это признал бы даже самый злостный противник. Выкрашенная в небесно-голубой цвет, с высоким капотом, который производил впечатление мощного двигателя, она выглядела очень добротно. Особенно понравились всем настоящие фары и толстые выхлопные трубы — совсем как у настоящего гоночного автомобиля.

Чарли вспомнил свои колебания, вспомнил, как он поставил было на «Свирели» фары, как они её украшали и как ему было жалко отказаться от них... Но он решил в своей машине всё подчинить одной цели — быстроходности. Каждый выступающий предмет —

Наверху собралась кучка гонщиков постарше, ожидающая своих заездов.

потеря скорости. Всё лишнее должно быть убрано. Машина должна стать обтекаемой, как самолёт. А эти фары и трубы, к чему они?!

Между тем друг Чарли Василь Гирич уже вкатывал на весы «Серебряную свирель», и компания Мэрфи следила во все глаза за результатом взвешивания.

— Первая категория, — громко объявил весовщик. — Сто два фунта.

— Твоё имя? — спросил Чарли один из судей, готовясь внести его в список гонщиков.

— Чарльз Робинсон, сэр.

Сидевший во главе стола главный судья, белокурый, крепко сбитый человек, поднял голову и уставился на Чарли. Лицо его неприязненно кривилось.

— Уж очень многое они себе стали позволять, эти негры! — пробормотал он довольно явственно. — А твоя машина отвечает всем требованиям комиссии? Ты получил разрешение участвовать в гонках?

— Конечно, сэр.

Однако судья не поверил, затребовал паспорт «Свирели» со всеми данными и начал придирчиво изучать его. Чарли не мог придти в себя от изумления: только что такие приветливые, такие любезные, шутившие со всеми гонщиками судьи вдруг стали сердитыми и грубо допрашивали его о вещах, вовсе не идущих к делу: где, например, брал он те материалы, из которых построена его машина, не краденые ли они? Мельком он уловил несколько слов, сказанных главным судьёй, в которых повторялось слово «ниггер».

— Можешь идти, выводить свой «ящик» на старт, — угрюмо и как бы нехотя сказал наконец один из судей, проверив всё до мельчайших подробностей; придраться было не к чему, и мальчика приходилось волей-неволей допустить к состязаниям.

Барьер, огораживающий шоссе, на всей дистанции был облеплен взрослыми и ребятами, сбежавшимися и приехавшими не только из города, но и из соседних местечек и ферм. Здесь были и все друзья Чарли: Пабло со своей семьёй, отец Квинси со своими близнецами, которые никак не могли стоять спокойно и всё искали более выгодного места. Их «старик» стоял рядом с Салли Робинсон и сочувственно посматривал на неё.

— Вы не волнуйтесь так, мэм, — сказал он. — Ваш Чарльз не подкачает, не такой он парень! Я это и своим мальчикам каждый день говорю, берите, мол, пример с Робинсона...

— Благодарю вас, — Салли посмотрела на него блестящими, как у сына, глазами, — у вас тоже отличные ребятки и наши большие друзья... Нет, я не волнуюсь, мистер Квинси.

Немного поодаль от них Мэри Смит нетерпеливо спрашивала у Джоя Беннета:

— Когда же, наконец, начнётся! Когда поедет Чарли?! Я прямо не доживу, кажется...

— Доживёшь, — хладнокровнейшим образом отвечал Джой. — Вон, гляди, сейчас начнутся заезды малышей. Их «малолитражки» уже на помосте.

Толпа зашумела сильнее, все вытягивали шеи и становились на носки, чтобы лучше видеть. Действительно, на наклонном помосте устанавливали первые «малолитражки», которые должны были открывать гонки. На этом помосте автомобили удерживались особым рычагом, который потом, по сигналу

судьи, мгновенно отводился в сторону, давая свободу машинам. Такое устройство было введено недавно. Ещё года два назад машину каждого гонщика толкал по сигналу менеджер, и затем они по инерции катились дальше. Поэтому результат гонок зависел не от ходовых качеств машины, а от силы толчка, которым менеджер отправлял в путь «своего» гонщика.

— На старте «малолитражные» машины. Номер первый — Вилльям Хойт, номер второй — Роберт Хансен, номер третий — Поль Годфрей, победитель прошлогодних состязаний «малолитражек»! — объявил резкий голос радиодиктора.

Раздался выстрел — и маленькие машинки скатились с помоста. Толпа закричала и замахала руками, подбодряя гонщиков. Фотографы местных и гренджерских газет выбежали на дорожки и, припав на колени, фотографировали соревнующихся. Кинооператоры крутили ручки своих аппаратов, радиодиктор комментировал каждый участок гонок, пройденный машинами. Наши друзья, несмотря на то, что машины малышей интересовали их значительно меньше, всё же азартно следили за состязанием.

Наверху, у самого помоста, собралась кучка гонщиков постарше, ожидающая своих заездов. Тут были и Чарли с Василем. Оба мальчика разговаривали с подошедшими к ним мистером Ричардсоном и доктором Рендалем. Учитель в такую ответственную минуту не мог оставить своего ученика без напутствия.

В это утро в театре, во время первой части праздника, Ричи и его друг, доктор, поняли, какое страшное горе должен был пережить Чарльз Робинсон, не услышав имени отца среди имён тех, кто погиб за родину. И учитель тут же решил непременно отыскать мальчика на старте и показать ему, что друзья думают о нём. И вот теперь они оба — он и доктор — наперерыв старались сказать Чарли что-нибудь ободряющее.

— Хотелось бы мне быть сейчас на твоём месте, Чарльз! — говорил Ричи. — Бывало, в колледже перед спортивными состязаниями я чувствовал себя, как солдат перед атакой. Я всегда был уверен в победе, и это помогало мне действительно побеждать. Как-нибудь ты придёшь ко мне, и я покажу тебе все мои спортивные трофеи: жетоны, кубки, дипломы... А сейчас, — Ричи взглянул на часы, — пора занимать места на трибунах. Скоро ваш заезд. Ну, Чарльз, желаю победы, — и он крепко тряхнул руку Чарли.

— Гляди, гляди, Ричи опять лижется со своим чернокожим любимчиком! — Фэйни, стоящий в толпе зрителей неподалёку от помоста, подтолкнул Роя. — И доктор Рендаль тоже с него обезьянничает. Гляди, руку ему жмут!

— Не теряй из виду эту парочку, — сказал Рой, хмуря тонкие брови, — помнишь, чтó сказал старый Миллард о выслеживании крупной дичи? Мне этот ваш Ричи давно подозрителен. Готов поставить всю будущую получку за то, что он самый настоящий коммунист...

Вдруг Фэйни снова встрепенулся и толкнул приятеля:

— Рой, она тоже пришла! И туда же, к черномазому!

— Кто она? — Рой оглянулся и тотчас же увидел Патрицию Причард, которая стояла позади Чарли и что-то говорила ему.

Видно, ей пришлось быстро бежать. Её медные локоны были спутаны и небрежно рассыпались по плечам, бледное лицо раскраснелось. Она часто дышала и говорила чуть запинаясь, как будто и сама не знала, чтó сказать в следующую минуту.

— Вот... Чарли... я пришла... Ты больше не сердишься на меня? Я буду о тебе думать, когда ты поедешь...

Она подняла голову. На Чарли смотрели светлые, уклончивые глаза, обведённые тёмными ресницами.

— Дай руку, — сказал Чарли, — ну вот, Пат, теперь всё в порядке.

Василь с неодобрением следил за этой сценой.

— Пора садиться в машину, Чарльз,— Василь держался со всей официальностью настоящего менеджера.

Чарли ещё раз кивнул Патриции и направился к старту.

Снизу морским прибоем подымались рукоплескания, слышались весёлые крики: это приветствовали победителя малолитражных гонок, Поля Годфрея, малыша в полосатом картузике.

— Начинаем соревнование машин первой категории! — объявил диктор. — Внимание! В первом заезде участвуют три машины: номер первый — Лейстер Скалли, автомобиль «Ласточка». Номер второй — Чарльз Робинсон, автомобиль «Серебряная свирель». Чарльз Робинсон, леди и джентльмены, является победителем прошлогодних гонок «табачных ящиков». И, наконец, третьим номером идёт машина Питера Мэрфи «Скакун». Внимание! Сейчас будет дан сигнал старта.

— Кто такой этот Лейстер Скалли? Ты его знаешь? Нет? Откуда он взялся? — торопливо расспрашивали друг друга «свирелисты», с беспокойством поглядывая на помост, где уже выстроились три машины.

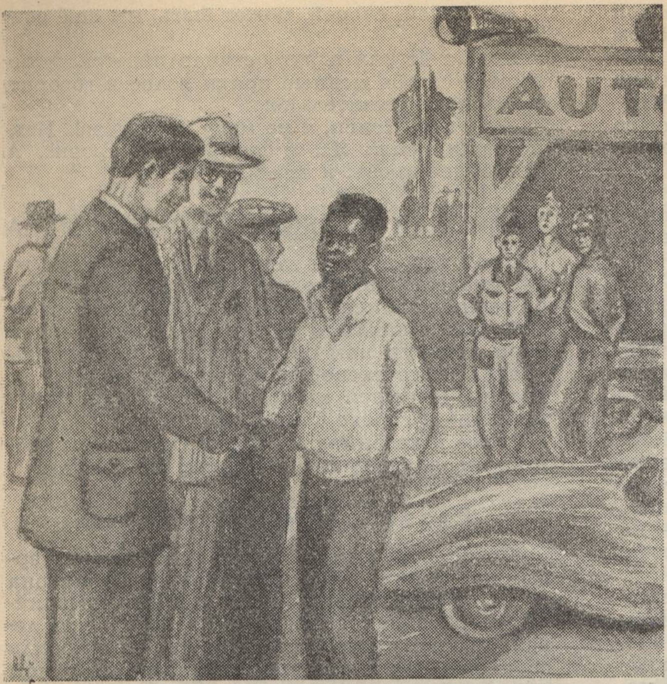
Нет, никто ничего не мог сказать о Лейстере Скалли, пока у барьера не появился взъерошенный, но очень довольный своим новым наблюдательным пунктом Джой Беннет.

— Это один парнишка из Верхнего Города, — сообщил он, — так, маменькин сынок. И аппарат у него не из важных, я его видел... Чарльзу не приходится бояться, даю слово.

Между тем на старте ждали только сигнала. Возле гонщиков теснились теперь одни только менеджеры, давая последние указания. Менеджером Лейстера Скалли был его собственный отец, высокий респектабельный джентльмен в золотых очках. Машина Лейстера, небольшой лёгкий автомобильчик мышиного цвета, выглядела довольно жалкой рядом со «Свирелью» и «Скакуном». Лейстер завистливо поглядывал на конкурентов и, видимо, всё более и более терял надежду на победу.

— Помни, мы все ставим на тебя, Лейстер. И мама, и я, и тётя Аннабель — мы все поставили много долларов на твою машину, — говорил ему отец, — не забывай об этом!

— Не забуду, папа, — пробормотал Лейстер, возясь со шлемом.

— Скоро ваш заезд. Ну, Чарльз, желаю победы.

Мэрфи с сиденья своего «Скакуна» высокомерно поглядывал на окружающих.

Снова раздался пистолетный выстрел. Рычаг повернулся, освобождённые машины одновременно скользнули на полотно шоссе. Они покатились, всё сильнее набирая скорость, вниз по холму Надежды, окаймлённому по обеим сторонам густым барьером зрителей и болельщиков.

— Пошли! Пошли! — заколыхалась, забурлила толпа. — Давай, давай!!

— Не надо! Погодите!.. Чарли, Чарли, вернись, — раздался отчаянный вопль.

Но он тотчас же потонул в общем крике болельщиков, старавшихся подогреть своих кандидатов. Все взгляды были устремлены на три движущиеся точки. И когда к опустевшему помосту вырвалась растрёпанная девочка с апельсиновыми кудряшками, она нашла только меланхолического метельщика, который собирал в кучку билеты, конфетные обёртки и разный мусор. Все, кто не находился на трибунах, устремились вниз, к финишу, чтобы увидеть самый интересный момент гонок.

— Поздно! — простонала девочка. — Опоздала! Что́ теперь будет?! Что̀ будет?!

— Может, ничего ещё и не случится. Может, обойдётся, — Джон Майнард тронул Кэт за плечо. — Пойдём вниз. В случае чего, мы побежим к нему на помощь, — сказал он и тихонько потянул девочку за собой.

Кэт послушно встала, и они вместе побежали вниз, туда, откуда глухо доносились крики:

— Да-вай! Ско-рей! Ско-рей!!

А в это время тот, кто причинил все эти тревоги, нисколько не думал о грозящей ему опасности. Он видел перед собой только одну цель — белый шнурок финиша.

Едва машина его получила свободу и пришла в движение, Чарли, чтобы разогнать её, начал раскачиваться на сиденье, как на качелях. Мэрфи и Лейстер делали то же самое. На первом отрезке пути все три машины шли вровень. Затем вперёд начала постепенно выдвигаться машина Лейстера. И, несмотря на то, что Чарли знал: автомобиль Лейстера легче и поэтому быстрее разгоняется, — всё-таки смотреть на это было неприятно, и мальчик невольно начал волноваться.

«Чепуха! Не надо об этом думать!» — говорил себе Чарли.

Всё быстрее и быстрее идёт автомобиль. Чарли перестаёт раскачиваться и опускается как можно ниже на сиденье: надо уменьшить лобовое сопротивление. Теперь, когда его глаза на одном уровне с капотом «Свирели», Чарли уже не может следить за дорогой перед собой, да это и не нужно: он ясно видит уходящую вниз среднюю дорожку, похожую на рельсы благодаря окаймляющим её белым линиям, толпу на обочинах и там, дальше, заветную арку финиша. Втянуть голову в плечи, сжаться ещё больше! Всё внимание — вперёд!

Ура, отстал Мэрфи! Чарли не может обернуться, но, по его расчётам, Мэрфи находится метрах в десяти позади. Он косится вправо: кажется, и Лейстер начинает отставать. Ветер слегка посвистывает в ушах. «Километров тридцать в час», — быстро отмечает про себя мальчик. «О, милая, дорогая, ещё, ещё прибавь ходу», — тихонько бормочет Чарли. И, точно услышав его мольбу, «Свирель» двигается всё быстрее. Держать дорогу, не вилять — вот в чём теперь главная задача. А ветер уже свистит в ушах по-настоящему, и Чарли мельком отмечает, что машина идёт со скоростью сорока километров в час.

— Да-вай! И-ди! Ско-рей! — доносит ветер крики зрителей.

«Молодец моя «Свирелька», молодец», — с нежностью шепчет Чарли. Лицо его горит от ветра, губы пересохли. Уже ближе, ближе арка финиша, можно разглядеть даже белый шнурок.

Резкий толчок в переднее колесо. Дёрнулся руль. Чорт, камень?! Не могли очистить как следует дорожку!

Но что же это?! Машина, вильнувшая от толчка, не выравнивается. Чарли напрасно вертит руль влево, «Свирель» продолжает забирать в правую сторону. «Спокойно, спокойно, только не волноваться! Потеряно управление? П о т е р я н о у п р а в л е н и е?!»

«Свирель» неотвратимо приближается к белой черте.

— Эй, парень, куда ты?! Куда лезешь?! Езжай по своей! — слышит Чарли крики по обеим сторонам шоссе.

Ему кричат, даже грозят кулаками. Там ещё ничего не понимают. Чарли всё крепче вцепляется в руль. «Свирель» уже пересек-

ла белую черту и теперь несётся по правой дорожке впереди первого номера, на котором сидит ни живой, ни мёртвый от страха Лейстер Скалли. Он тоже ничего не понимает, но смертельно испуган и отчаянно кричит. Чарли не слышит этого вопля, ветер свистит со всей силой в его ушах. «Спокойно, спокойно, только не волноваться!»

— Мальчик! Мальчик мой!..

Кто это подымает тёмные руки? Кто понял там, в толпе, что мальчику грозит смертельная опасность?!

«Спокойно, спокойно, спо...»

На всём ходу «Свирель» врезается в гранитный барьер шоссе, отскакивает от него и опрокидывается вверх колёсами. Точно снаряд, вылетает из неё тёмнолицый гонщик и распластывается на асфальте. Маленький Лейстер старается изо всех сил повернуть свою «Ласточку» влево, но его правое колесо задевает опрокинутую машину и мгновенно отваливается. «Ласточка» чертит по асфальту широкую дугу и, почти уже остановившись, начинает вдруг медленно заваливаться на бок. И так же медленно, словно раздумывая, из неё вываливается Лейстер Скалли.

Воет сирена санитарной машины. Застывшие было, словно в столбняке, люди теперь прыгают через барьер и мчатся к месту аварии. Одними из первых на шоссе оказываются тёмнокожая женщина и синеглазый менеджер Чарли.

— Ничего, вы не бойтесь, это ничего! Он жив, мэм, уверяю вас, он жив! — бормочет Василь, и неизвестно кого хочет он успокоить: мать своего друга или самого себя.

— Лейстер! Лейстер! — взывает высокий джентльмен.

За ним по пятам бежит кудрявая лёгкая девочка с орехово смуглым, а теперь серым от ужаса лицом и торопит вторую девочку:

— Скорей, скорей, может быть, мы ещё спасём его!

Но эта вторая вдруг останавливается, откидывает со лба медные пряди волос и говорит жалобно и решительно:

— О, нет, Нэнси, я не могу идти туда!.. Нет, не тащи меня!.. Я... я боюсь вида крови!.. А там будет кровь, я знаю!..

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ВАСИЛЯ ГИРИЧА

С тех пор, как мы заглядывали в эту книжку, она ещё больше истрепалась и распухла от разных записей и вкладок. И на этот раз в ней лежит какая-то бумага, сложенная вчетверо, которую нам очень хочется развернуть: «Заключение экспертной комисии по делу об аварии, имевшей место на гонках «табачных ящиков» в городе Стон-Пойнте».

Сухое и казённое заглавие. Однако мы всё-таки продолжим наше чтение, не так ли?

Результаты экспертизы

«По осмотре самодельного автомобиля первой категории участника гонок Робинсона Ч. Т., обозначившего свою машину названием «Серебряная свирель», оказалось, что левая рулевая тяга означенного автомобиля оборвана. Это и послужило непосредственной причиной того, что машина вопреки усилиям гонщика выровнять её резко пошла вправо и в результате налетела на гранитный барьер.

Обследование рулевой тяги, проведённое мной, старшим инспектором Э. Л. Доусоном, и мной, членом жюри А. Конли, не дало никаких новых показателей, несмотря на утверждение менеджера пострадавшего гонщика, школьника В. Гирича, что тяга якобы надрезана каким-то острым орудием, скорее всего бритвой. По настоянию того же упомянутого

Люди прыгают через барьер и мчатся к месту аварии.

В. Гирича были вызваны и опрошены другие гонщики и их менеджеры, но никаких свидетельств, подтверждающих наличие злого умысла с чьей-нибудь стороны, они не дали. Таким образом, остаётся предположить, что бичева тяги перетёрлась во время следования на старт и окончательно оборвалась при спуске с холма. Экспертиза эта окончательная и может быть повторена только по настоянию главной судейской коллегии.

Подписали:

Старший инспектор Э. Л. Доусон.

Член жюри А. Конли».

Поперёк этого листка размашистым, энергичным почерком было выведено:

«Конли, это всё чепуха и очередные негритянские выдумки. Нечего устраивать поиски каких-то диверсий. Негр просто не умел держать дорогу и потому свернул себе шею.

Главный судья Парк Бийл».

Под этой бумагой, имеющей официальную печать городского управления, идёт несколько страниц записной книжки, исписанных рукой её владельца и испещрённых многими помарками и кляксами, как будто писавший очень торопился или был в волнении:

«Они были точно глухие и слепые. Мы им показывали тягу, один конец которой разлохматился, а на другом был всякому виден свежий срез, но они как будто не хотели ничего этого видеть и сказали, что нам это всё чудится.

Потом и я, и Беннет, и Джон Майнард, и Пабло де Минго начали говорить, что нужно позвать и спросить тех, кто участвовал в заезде, а также их менеджеров. Они на это согласились, только видно было, что им очень неохота и скучно заниматься всем этим делом. Когда пришли Мэрфи и Дик, всякий, даже слепой, мог увидеть по их рожам, что тут дело нечисто. Но инспекторы и тут ничего не увидели и отпустили их, когда они сказали, что знать ничего не знают. Тогда мы решили, что будем действовать сами. Мы пошли и собрали ребят Нижнего Города и рассказали им всё это дело. Они сказали, что слышали уже всё это, а многие даже были на гонках и видели, как разбился Чарли. Но никто не мог нам ничего сказать такого, что могло нас интересовать.

А когда мы уже совсем потеряли надежду, вдруг пришла к нам в дом Темпи, жена Цезаря, со своим вторым мальчиком, которого зовут Аллан. Оказывается, он постоянно торчит возле пустыря, строит там у лужи какую-то мельничку или что-то в этом роде. И вот в день праздника он тоже был там, потому что закапризничал, и Темпи в наказание оставила его дома. Он и пошёл к своей мельничке и там потихоньку ревел и бранил на чём свет стоит всех своих родных за несправедливость. А потом видит: какой-то рыжий мальчишка шныряет у сарая Робинсона и чего-то разнюхивает. На Аллана он и внимания не обратил, потому что кто же обращает внимание на такого малыша. А малыш этот всё примечал. Рыжий подошёл к задней стенке сарая, отодвинул доски и полез внутрь, а когда вылез, тихонько свистнул. И тотчас же кто-то за углом тоже засвистел.

Аллан хотел было рассказать об этом дома, но его мать и отец вернулись поздно, ему сразу дали конфет и яблоко, и он так этим занялся, что совсем обо всём позабыл. И только вчера вдруг всё вспомнил. Тогда Цезарь сказал Темпи, чтобы она сейчас же привела Аллана к нам и чтобы мы шли к главному судье Парк Бийлу. Пусть он вызовет Мэрфи и Дика, и пусть Аллан скажет, тот ли это мальчишка, который был в сарае в день гонок.

Мы пошли в банк, где этот Бийл, оказывается, директор. Но нас к нему не пустили, и мы ждали его на улице очень долго. Потом, когда он вышел, мы подошли и стали ему всё это дело рассказывать.

Как только мистер Парк Бийл услышал, что дело идёт о Робинсоне и об аварии на гонках, он очень рассердился и велел Аллану замолчать. «Вы что, — спрашивает, — пришли сюда просто отнимать у меня время?! И это ваш «свидетель»?! Вы что, смеётесь, что ли? Да кто же примет всерьёз показания негритёнка, который ещё папу-маму не научился выговаривать как следует? Ваш Робинсон сам виноват в катастрофе, и мы ещё в этом деле разберёмся и привлечём его за то, что он подвёл другого гонщика и чуть его не искалечил. Идите-ка вы, ребята, отсюда и благодарите бога, что у меня мягкий характер, а то пришлось бы вам познакомиться с моим швейцаром».

И ещё он сказал, что эта негритянская история действует ему на нервы и он настоятельно просит больше его не беспокоить. Потом он сел в автомобиль и уехал.

Дома я рассказал обо всём отцу, но он даже не удивился, он сказал, что так оно и должно быть здесь, в Америке, где справедливость существует только для богатых.

Отец последнее время повеселел. Вчера вдруг показывает мне фотографию какого-то красивого дома, похожего на дворец; под фотографией подписано «Университет в г. Ужгороде, Закарпатская Украина». Спрашивает меня:

— Хотел бы ты, сынку, учиться в том университете?

Я даже рассердился.

— Ну, что ты спрашиваешь, — говорю, — знаешь ведь, что университет не для нас с тобой! Будь доволен, если мне хоть школу дадут кончить.

А он вдруг смеётся:

— А вот и брешешь, сынку! Тот университет для нас и для всех простых людей. Вот возьмём мы с тобой, сынку, да и махнем туда... на родину!

Я так и вцепился в него. Только он ничего больше не стал говорить, только подмигивал да усмехался.

Каждый день мы ходим в больницу — узнавать о здоровье Чарльза. К нему ещё никого не пускают, но говорят, что он уже начал открывать глаза. Раньше думали, что он умрёт, потому что была разбита голова. А потом врачи сказали, что нужно долго лежать, потому что у Чарльза сотрясение мозга.

Наверное, ему очень навредило, когда мы с ним ездили по городу. Мы ездили очень долго, и миссис Робинсон просила останавливаться возле каждой больницы и сама выходила просить, чтобы приняли её сына. Но в некоторых больницах не было отделения для цветных, а в «белое» отделение ни за что не хотели принять негра. В других «цветные»

отделения были переполнены. Так мы ездили и ездили, Чарли стонал, а его мать всё молчала и только ломала руки, и я очень боялся, что Чарльз вот так, в машине, умрёт. Наконец мы нашли маленькую больницу в Нижнем Городе, и к нам вышла сестра в каком-то сером, грязном халате и сказала, что можно принять больного, но нужно внести вперёд деньги, а то все эти больные из Горчичного Рая норовят лечиться на даровщинку, а потом удрать из больницы, не заплатив ни цента.

У миссис Робинсон не было с собой денег, и я побежал к нам. У нас сидел как раз мистер Ричардсон, который приехал прямо с гонок, и они вместе с отцом сейчас же побежали со мной в больницу, заплатили деньги и помогли внести Чарли.

Нэнси тоже ходит со мной в больницу. «Горилла» опять поставил ей «эф» по математике и сказал, что вопрос о ней будет обсуждаться на педагогическом совете. А Джону Майнарду он поставил «эй», и когда мы пристали к Джону, почему такая милость, он признался, что его отец послал «Горилле» корзину виски «Белая лошадь». Нэнси стала прямо, как щепка, говорит, что ей всё надоело и что она хочет бросить школу и поступить в прислуги или в танцовщицы.

— А как же твои стихи? Ведь ты хотела стать поэтессой,— спросил я её.

Она только рукой машет и ничего не отвечает.

Уехать бы нам всем ко мне на родину! Там, верно, и Нэнси смогла бы поступить в университет!

Лейстеру Скалли ничего не сделалось, он только немного ушиб руку. Его отец бегает по всему городу и всем говорит, что негритянский мальчишка чуть было не погубил его сына: подставил ему свою машину на гонках и сделал это нарочно, только в это дело вмешался бог, всё повернул по-своему и наказал негодного негра. И все кумушки в городе ахают и ужасаются.

Про Мэрфи ходят слухи, что его, как победителя гонок, посылают на всеамериканские состязания самодельных автомобилей. Он не показывается, говорят, что-то реконструирует в своём «Скакуне», а я думаю, он просто трусит и боится, что мы с ним расправимся за Чарли. Дика тоже не видать, хотя я несколько раз дежурил возле его дома, чтобы поговорить с ним, как надо. «Свирель» стоит теперь у нас во дворе, она совсем разбита, и я не знаю, как за неё взяться. Мне очень хотелось бы к выздоровлению Чарли всё исправить, чтобы он не увидел её в изуродованном виде.

Мак-Магон и его ребята заправляют теперь в классе и хвалятся, что навсегда выжили Робинсона и он больше не вернётся в школу. Но это только до поры до времени. Пусть только поправится Чарли, мы им покажем себя!

Вчера видел, как Патриция вышла из школы с Мэйсоном и он нёс её рабочую корзинку. Видно, она совсем переметнулась к макмагоновским. Так я и знал! Чарли был просто дурак, что верил ей, и считал её порядочной, и говорил, что она совсем непохожа на остальных девчонок.

В больницу Пат ни разу не приходила, и Нэнси уверяет, что это потому, что она боится крови и всего такого. А по-моему, она просто кисейная мисс, и дрянная эгоистка, и хозяйская подлипала, и шакалка проклятая. Хоть здесь, в книжке, отвести хорошенько душу!!!

Сегодня в «Стон-Пойнтовских новостях» крошечная заметка, что приезжает негритянский певец Джемс Робинсон, который перед новым отъездом в Европу, возможно, даст в городе несколько концертов.

Когда Ричи прочёл эту заметку, он начал хохотать и позвал отца, чтобы он вместе с ним повеселился.

— Смотрите, — сказал он, — они так боятся, чтобы негр не стал по их милости популярным, что всячески стараются замять и приезд его и славу. У Джима Робинсона мировая слава, а родной город его не признаёт. Ну, надо думать, Джим не очень-то будет страдать от такого невнимания!

И Ричи и отец очень радуются приезду Робинсона.

— Наконец-то приедет человек, который скажет нам всю правду! — сказал Ричи. — Робинсон всегда был нашим другом, он умеет зорко смотреть и видеть то, что нужно нам.

Наверное, Робинсон остановится у своих, как всегда, ведь он родной дядя Чарли. Интересно, что-то он привезёт в подарок Чарли на этот раз, он всегда привозит что-нибудь техническое...»

(Продолжение следует.)

ПЕСЕНКА-ПОБУДКА

Утречком росистым
Выйду, поброжу,
Горном голосистым
Спящих разбужу.

Цветик незабудка
Около ручья...
Песенка-побудка,
Ранняя моя!

Тень легла от дома
На зелёный склон.
Возле дома — дрёма,
Возле дома — сон.

Встаньте, перестаньте
Нежиться в тепле!
Выгляньте да гляньте —
Чудо на земле!

День, как незабудка,
Тихий, голубой...
Песенка-побудка,
Любо мне с тобой!

Елена Благинина

ХЛЕБ.

А. Бубнов.

Лагерь в парке

А. Елагина

Белый пароход плывёт по каналу и густым, сильным голосом гудит: «С добрым утром, город Химки! Просыпайтесь, люди! Привет вам из Астрахани и Сталинграда! Плыв-у-у на Москву-у!».

Может быть, и не про это гудит пароход, но ребята из второго отряда уверяют, что слова можно легко разобрать. Во всяком случае, как только рано утром раздаётся гудок парохода, на зелёных улицах городка в старых деревянных домиках и в новых высоких каменных домах ребята откидывают одеяла, протирают глаза и смотрят, какой пароход идёт. Но в семь часов утра туман ещё стоит над каналом, пароход плывёт, как в облаке, и только по голосу можно угадать «Герцен» это или «Памяти Кирова». Но в конце концов это не так уж важно. Главное: люди проснулись,— значит, пора вставать.

До половины девятого надо сделать немало дел: умыться, натаскать из колонки воды, чтобы маме хватило на весь день, наколоть дров, полить грядки, убрать комнаты, поесть и помыть посуду. Кое-кто, конечно, непрочь ещё часок поваляться в постели, но почему-то всегда в таких случаях старшая вожатая Женя Соболева будто невзначай спросит: «А что ты делал сегодня дома?»— и очень неловко становится человеку, если ему нечего на это ответить.

На привокзальной площади радио громовым голосом объявляет: «Внимание! Восемь часов тридцать минут». Гулко хлопают двери в парадных, распахиваются калитки в палисадниках, мальчики и девочки в белых рубашках с аккуратно выглаженными галстуками торопливо шагают по разным улицам, но все к одному месту — воротам городского парка, где пионеры второй химкинской школы в это лето организовали лагерь.

И тут деревья сразу обступают ребят. Протягивают свои густые ветки клёны в светлых семенах-летучках, которые так удобно наклеивать на нос; берёзы опускают к ним свои тонкие, гибкие ветки; дубы шуршат жёсткими листьями, показывая молоденькие жолуди в пупырчатых шапочках. А из глубины парка уже несётся призывный звук горна. Ребята бегут на этот призыв, на ходу спрашивая друг друга:

— Ты не знаешь, что сегодня будет? Наверно, опять что-нибудь неожиданное!..

Никто не знает этого, кроме совета дружины. Так уж заведено: секрет откроется, когда прозвучат рапорты на линейке, пропоёт горн, взовьётся флаг над мачтой и Женя Соболева скажет:

— Ребята! Слушайте приказ по сводной дружине школы номер два. Сегодня мы...

И всегда «сегодня» бывает что-нибудь такое, о чём ребята давно мечтали.

Конечно, про поход всем сообщили заранее. Как-никак до «Мцыри» шагать двадцать пять километров, — значит, надо проверить снаряжение после прежних походов, починить тапочки, приготовить посох. А маршрут? А карта? А историческая справка? Всё это взялись составить историки дружины во главе с Лидой Леонтьевой. Они ещё в прошлом году начали писать историю Химкинского района. Ездили в областной архив, где хранится старинная книга, найденная в ещё более старинной церкви. В книге были записаны все люди, какие родились и умерли в этих местах за четыре века, а на первой странице было выведено узорной славянской вязью, что Химки — вотчина царя Бориса Годунова и проживают здесь во здравии царские людишки — девка Палашка да дьячок. Вот что было когда-то на месте города Химки!

Много есть в Химкинском районе исторических мест.

На Сходне, где теперь дачный посёлок, когда-то сходились купцы, чтобы волоком перетаскивать свои струги с товарами через широкий луг от речки Сходни до речки Клязьмы. И на лугу этом, в высоком кургане, археологи в прошлом году нашли захоронение людей в кольчугах с мечами и скелеты коней. Наверно, был здесь в давние времена сторожевой пост — защита от татарских набегов.

А в «Мцыри» жил Лермонтов. Правда, тогда ещё не было названия «Мцыри», просто было Середниково, имение помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, бабушки Лермонтова, и он приезжал туда летом в 1830—1831 годах.

— Поэт бродил здесь возле тихих прудов и, может быть, переплывал на заросший орешником и бузиной остров, чтобы нарвать для бабушки охапку белых лилий,— сказал Михаил Александрович Воскресенский, преподаватель литературы, когда ребята, миновав поля, леса и овраги, вышли, наконец, к прудам.

И все притихли, всматриваясь в зелёный сумрак острова...

К усадьбе ведёт широкая лестница из чёрного камня, по которой Лермонтов наверняка взбегал не раз. Задумавшись, он смотрел из окна своей комнаты на круглую клумбу во дворе со старинной вазой посредине. И может быть, не раз ходил на Чортов мост, где воду обступили мрачные, мшистые ели.

А старый вяз на крутом берегу! Лермонтов в детстве любил прятаться в его огромном дупле. Вяз стоит до сих пор. Четверо ребят, взявшись за руки, не могли обхватить его, в дупло же влезло сразу пять человек. Просто так, чтобы посидеть там, где сидел и Лермонтов.

На огороде станции юных натуралистов ребята целое лето работали и проводили свои опыты.

Потом ребята разожгли костёр. И пока пеклась картошка и кипел в котелке чай, читали наизусть стихи Лермонтова, все, какие знали.

— Мне теперь кажется, — сказала Лида Леонтьева, — что любое местечко на земле — историческое. Даже здесь, где мы сидим, — тоже историческое место.

— А если нет, то с сегодняшнего дня будет, — засмеялись ребята.

— Нечего смеяться. Вот построили возле Химок стекольный завод. Разве это — не историческое событие? А наш порт? А наш канал?

— Интересно, кто-нибудь записывает все исторические события? А то пройдёт тысяча лет, здесь вырастет огромный город, а люди даже знать не будут, какие были наши Химки и как всё здесь строилось...

— Всё сразу, конечно, записать невозможно, — сказал Михаил Александрович, — но если из года в год ходить в походы, записывать и зарисовывать всё самое интересное, собирать растения, минералы и образцы фабричной продукции, то постепенно накопится материал для истории края.

— Давайте собирать такие материалы! — решили ребята.

На этом разговор закончился, и ребята принялись за картошку и чай.

Через несколько дней вожатая 1-го отряда Галина Приказчикова бережно положила в шкаф в пионерской комнате большую папку с надписью: «Мцыри». Материалы 1-го отряда для школьного краеведческого музея».

Зимой в школе был один клубный день в неделю — суббота. В классах занимались кружки, в зале ребята собирались послушать приезжавших в школу учёных, писателей, Героев Советского Союза, здесь ставились спектакли, показывались кинофильмы. Летом же все дни клубные. И для занятия кружков помещение необязательно.

Вот юные математики уселись под берёзой и, лёжа на траве, решают занимательные задачи.

Литературный кружок выбрал местечко под развесистой липой. Хорошо читать стихи и спорить о прочитанной книге под мягкий шелест листьев! Тут же примостились и рукодельницы: руки не мешают ушам слушать.

На круглой поляне в дальнем конце парка драматический кружок репетирует пьесу «Дальняя разведка», а на ровной, утоптанной площадке идут занятия хореографического кружка. Под переборы баяна скачет лихая «Тройка» и плавно выступают боярышни в русской пляске.

Всегда можно видеть волейболистов на волейбольной площадке, а гимнастов — в спортивном городке. Усердно тренируется футбольная команда, которой отведён пустырь за парком. Нашли для себя подходящее местечко и планеристы. С открытого со всех сторон холма хорошо запускать модели!

С холма видна и водная гладь канала. Там тренируются гребцы сводной дружины, учатся плавать кролем и брассом юные пловцы.

Скоро соревнования по гребле! Валерий Жук, Жора Гусев, Ваня Прокопов и их «противники» вышли на тренировку.

Ни в парке, ни около него не видно только юннатов. Они возятся на грядках при Областной станции юннатов. Света Прогоровская проводит опыты по прививке различных сложноцветных на подсолнух. А Саша Першин вырастил грунтовые томаты. Прямо в грунт посеял семена, и на его кустах зреют крупные помидоры.

Однажды в шесть часов вечера дежурный по дружине прогорнил сбор. Ребята собрались к эстраде. Сегодня к пионерам пришли в гости три советских изобретателя. Они изобрели лучшую в мире электропилу и получили за это звание сталинских лауреатов.

Вот на эстраду вносят толстое бревно. Стрекочет пила. Мгновенье — и бревно распилено пополам, на две, на три, на четыре части. Ребята слушают рассказ изобретателей об устройстве чудодейственной пилы, сами пробуют пилить и долго не отпускают гостей, задавая им всё новые и новые вопросы, пока горн, зовущий на вечернюю линейку, не освобождает «пленников».

Теперь что! — говорит Джемс Вернигора. — Теперь нас все знают, а вот в прошлом году ну и доставалось же нам!

Серым зимним деньком на двадцати семи улицах города появились группы ребят по пяти человек. Они нерешительно останавливались то у одного, то у другого дома и подбадривали друг друга:

— А ну, зайдём! Не съедят же!

Наконец решались и стучали. Начинался примерно такой разговор:

— Вам кого надо?

— Нам надо... Нет, то-есть вам надо, может быть, в чём-нибудь помочь?

— Как это помочь?

— Очень просто, ну наколоть дров или принести воды...

— А сколько возьмёте?

— Нисколько не возьмём, мы бесплатно.

— А кто вы такие будете?

— Я начальник улицы, а это члены пятёрки.

— Начальник улицы! Члены пятёрки?!

Иная хозяйка решительно поворачивала ребят лицом к двери и командовала:

— А ну-ка, айда отседова! Знаем мы таких начальников!

Мария Александровна Кудрявцева с улицы Кирова из дома 23 не спросила: «Вам кого надо?» У неё едва хватило сил повернуть голову на подушке.

— Вам не надо ли чем-нибудь помочь? — робко спросил Игорь Рыжиков и ещё больше оробел, когда увидел, что старая женщина совсем больна.

Ребята потоптались у дверей, потом решительно сбросили пальто и принялись за работу. В комнате было холодно, не прибрано. Через час пол был вымыт, печка растоплена, и в ней весело бурлил котелок с кашей.

— Сам бог вас ко мне послал! — проговорила Мария Александровна.

— Вовсе нет! — возразил Толя Журавель.— Это тимуровский штаб послал.

С этого дня у больной одинокой пенсионерки всегда дежурил кто-нибудь из ребят. Девочки варили обед, покупали продукты, чинили одежду, мальчики кололи дрова, носили воду, они починили электропроводку и выключатель от двери перенесли к кровати, чтобы больная могла зажигать свет, не вставая.

Помочь пенсионерке Марии Александровне Кудрявцевой по хозяйству пришли пионеры 2-й Химкинской школы.

Врач сказал, что больную надо отправить в санаторий. По этому поводу был созван тимуровский штаб. Решено было обратиться в райздравотдел. И вот пятёрка во всём составе явилась к заведующему здравотделом. Он выслушал ребят, расспросил об их работе и распорядился выдать Марии Александровне Кудрявцевой бесплатную путёвку в санаторий.

Теперь Мария Александровна уже вернулась из санатория и чувствует себя гораздо лучше. Но попрежнему каждый день дежурят у неё тимуровцы. Да и не только у неё — у всех, кто нуждается в помощи. А в пионерской дружине хранятся благодарности — от врача, от старика-инвалида, которому ребята спасли от мороза цветник, от семьи погибшего офицера за то, что ребята починили калитку и сделали мостик через канаву... При встрече жители городка приветливо здороваются с ребятами и шутят:

— Привет начальнику улицы!

Утром на линейке под самой мачтой ребята нашли шифрованное письмо. Морзисты дружины взялись за расшифровку. Буква за буквой, слог за слогом прочитали они таинственное письмо: «Сегодня, как только стемнеет, в парке начнётся лесной карнавал. Приглашаются все звери, птицы и растения. Подробности у И. И.».

Кто это И. И.? Ирина, Инна или Иван? Всех Ирин и Иванов в дружине опросили ребята. Нет, они не знают подробностей о лесном карнавале. Наконец кто-то надоумил: может быть, это Ирина Ивановна, школьный библиотекарь? Побежали к ней. Она пожелала с каждым говорить по секрету. И ребята уходили от неё с таинственным видом, держа подмышкой пакет.

Как ни храни секреты в дружине, они всё равно быстро узнаются. Особенно если все начинают вырезать и клеить из бумаги маски, плести из листьев плащи и шапки, собирать вороха ромашек и васильков. Кое-кому всё же удалось сохранить свой карнавальный костюм в тайне. Ребята не сразу узнали Жору Гусева в лохматом Волке, который выскочил на поляну и грубым голосом стал загадывать лесные загадки.

— Эй, кто ответит! Что ест лягушка и вредная она или полезная?

— Полезная! Вредная!— наперебой кричали цветы и грибы, пятясь от Волка.

— Полезная! — уверенно сказала Вишенка,— она ест всяких вредных насекомых.

— Верно!— зарычал Волк и выдал Вишенке приз — живую лягушку.

Второй приз — ежа — получил гриб Мухомор. Он уколол руку о колючки, закричал, и ёж упал на землю. Все стали искать ежа в траве. В это время заиграл баян, и хоровод цветов вместе с волками, тиграми и лисицами закружился в общем танце по поляне. А когда совсем стемнело, карнавальное шествие направилось к каналу.

На высоком берегу ярко горел смолистый костёр, отражаясь в тёмной воде. Под треск горящих сучьев, под музыку баяна ребята пели и плясали вокруг костра, и весёлые их голоса разносились над спящей водой. Потом издалека донёсся тягу-

чий мощный гудок парохода: «До свиданья, Химки, доброй ночи, люди! Ухожу-у!..» Пароход прошёл мимо, сверкая огнями, и тяжёлая волна плеснула о берег.

Десять часов. Пора по домам...

Все три отрядные вожатые в дружине — Галины. Конечно, это получилось случайно, но вначале происходила путаница: звали одну Галю, откликалась вторая, а то и все три.

Но скоро ребята стали различать Галин. Вожатая первого отряда, серьёзная девятиклассница, которую особенно уважали мальчики за глубокие знания, строгость и справедливость, так и осталась Галиной. Скромную и мягкую по характеру вожатую второго отряда стали звать Галей, а живую и весёлую, как огонёк, вожатую отряда малышей прозвали Галочкой.

Я хочу рассказать, о чём говорили вожатые между собой после лесного карнавала. По-моему, секрета тут никакого нет, и кроме того каждый пионер не сегодня-завтра может стать вожатым, а Галина, Галя и Галочка, да и сама Женя Соболева совсем ещё недавно были пионерками.

Короче говоря, когда ребята разошлись по домам, костёр догорел и комары затянули свою вечернюю песню, вожатые ещё долго толковали о том, всё ли готово к завтрашнему дню.

Первый отряд пойдёт на прополку в колхоз, второй — отправится на экскурсию на кирпичный завод, малыши пойдут в лес за грибами. А после обеда к пристани подойдёт пароход «Байдуков» и вся дружина отправится в плавание по каналу.

Но ничего само собой не делается: всё надо организовать, обо всём подумать, всё проверить. И вожатые отрядов докладывают Жене о своих делах.

— Ну, хорошо,— сказала Женя,— это всё будет завтра. Но надо подумать и о будущем.

— Я считаю, — заявила Галина, — что в нашем отряде надо, не откладывая, прочитать лекцию о Мичурине и Лысенко. Ребятам из 6-го класса будет очень полезно послушать.

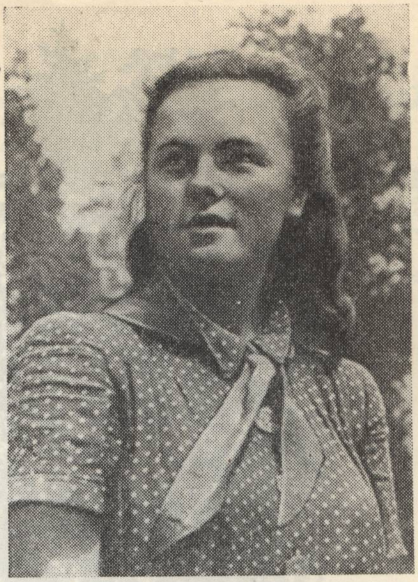
— А у нас хорошо бы провести диспут о дружбе,— тихо заметила Галя.

— Ну, а мне хочется военную игру с боем, с трещотками, с пленными, чтоб шум стоял по лесу! — засмеялась Галочка.

— Что же, всё это есть в плане. Но я не об этом. Скоро в школу, а готова ли к этому дружина?

Вожатые задумались.

— Помните, в прошлом году в первой четверти

Женя Соболева, старшая вожатая дружины.

ребята нахватали 22 двойки. Пришлось совету дружины собирать совещание двоечников вместе с учителями и родителями. Помните, какой рёв стоял на этом совещании, сколько было клятв и обещаний!

— Но ведь все выполнили свои клятвы, не осталось у нас двоечников!

— А сколько сил пришлось потратить и нам и ребятам! Вот я и думаю, не придётся ли и в этом году собирать совещание двоечников?

— Мне кажется, что не придётся,— сказала Галина.— Подумайте, сколько узнали за лето ребята! И по истории, и по литературе, и по географии, и по математике. Даже английским занимались! А сколько прочитали книг! Нет, мне кажется, двоечников у нас не будет.

— Нахватать двоек после такого лета,— сказала Галя,— это просто непростительно. Ребята так хорошо отдохнули, столько для них было сделано!

— Нет, нет,— горячо заговорила Галочка,— не будет у нас двоечников! И знаете почему? Я по себе сужу. Когда, бывало, приходилось оставаться на лето в городе просто так, без дела, всё становилось неинтересным, лень было браться за что-нибудь. И к осени так разболтаешься, что ничего не хочется делать, не то что учить уроки. А нынешним летом каждый день занят. Чувствуешь себя подтянутой, бодрой, и даже в голову не придёт лениться. И все наши ребята так же!

Женя помолчала, а потом сказала:

— Ну, что ж. Пожалуй, вы правы, девочки. Будем работать! А там посмотрим.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Е. Трутнева **Рис. В. Константинова**

В поход

За окошком день погожий,
Золотой и голубой;
На крылечко из прихожей
Выбегаем всей гурьбой!

А из сада нам навстречу
Свист малиновки, дрозда,
Бойко ласточки щебечут,
Суетятся у гнезда.

На травинках греют спинки
Неуклюжие жуки.
Мы проходим по тропинке,
За спиной у нас мешки.

Пролетает, будто птица,
Тает облако вверху...
И стоит, не шевелится
Одуванчик весь в пуху!

Голова в прозрачной каске,
Листья острые с резьбой...
Он стоит, как воин в сказке,
И гордится сам собой.

Липы шепчутся над нами,
В липах птичьи голоса...
— Поскорей за семенами,
За цветами, за венками
В поле! В тёмные леса!

В лесу

Тень прохладная в бору;
Хрустнет ветка, свистнет птица...
Дятел в краскую кору
Клювом, как рукой, стучится.

На полянке, на кустах,
Между старых, толстых сосен,
Тут и там — во всех местах —
Точно бусы кто-то бросил.

Мы прошли через кусты,
Мы чернику ели, ели...
Столько съели, что и рты
От черники почернели.

Две осинки у дорожки
Нам захлопали в ладошки.
Ветра нет, а шелестят...
Что они сказать хотят?

Сосны встали, как столбы...
Что белеется под ними?
Кто охапками такими
Разбросал вокруг грибы?

Каждый брат похож ка брата,
В скользкой плёнке малыши...
Да ведь это же маслята!
До чего же хороши!

Самый первый гриб в году
В кузовок я свой кладу!

Дождь

На тропинке потемнели
Солнечные сетки...
Сосны быстро прошумели,
Закачались ветки...

Им в ответ залепетала
Листьями осинка...
И совсем невидной стала
Узкая тропинка.

Что посыпалось такое
Крупным, светлым градом?
Скачет, прыгает на хвое
Дождик с нами рядом!

Припустил «во все лопатки»
Ливень настоящий!
Мы с дождём играем в прятки
Под еловой чащей.

Мы под ёлку, он за нами
Припускает снова!
Льётся светлыми струями,
Места кет сухого!

К нам на помощь ветер мчится,
Взбудоражил ели,
И с берёзок, точно птицы,
Листья полетели!

Сколько шишек оборвало!
Сколько веток смято!
И... дождя как не бывало!
Ускакал куда-то!..

Не шелохнутся осинки,
Распустили ветки...
Появились на тропинке
Солнечные сетки.

Богатыри

На поляне перед лесом
Отдыхают до поры
Два комбайна под навесом,
Две железные горы.

Будет осень, хлеб созреет,
Утром в поле, чуть заря,
За рядами бойких жнеек
Выйдут два богатыря.

И, пугая шумом птицу,
Выйдет в поле весь колхоз
Жать машинами пшеницу,
Убирать густой овёс,

Золотую рожь, гречиху,
Вымолачивать зерно...
И стоят машины тихо,
В бой готовые давно!

Под прикрытием сарая
Ждут похода в тишине,
Каждым винтиком сверкая,
Точно витязи в броне!

Купанье

Лень кустам пошевельнуться,
Зноем пышет от земли,
Замолчали даже птицы,
Не гудят в траве шмели,

Речка плещется лениво,
В речке ясно и светло,
А к воде нагнулась ива
И глядится, как в стекло.

И как будто в листьях зыбких,
Будто в их тени густой,
В речке маленькие рыбки
Проплывают под водой.

Остаются на лужайке
Наши трусики и майки,
Под ногой хрустит песок..
Вот и мостик из досок!

Волны плещут на дощечку,
Ну-ка, кто смелее всех?
Кто залезет первый в речку?
Толкотня, веселье, смех!

Брызги вверх летят фонтаном...
Взбудоражен ил со дна...
К берегам, к лужкам-полянам
За волной бежит волна!

Домой

Наши тени подлиннели,
Закрываются цветы.
Не пора ли в самом деле
Нам домой до темноты?

От зари уже алеют
И тропинка и трава.
Наши ноги тяжелеют,
Мы бредём едва-едва.

Скоро солнцу спать ложиться,
Отдыхать ему пора!
В небе вспыхнула зарница,
Начала спадать жара...

Вон, на звёздочку похожий,
Вспыхнул в поле огонёк...
До свиданья, день погожий,
Летний, солнечный денёк!

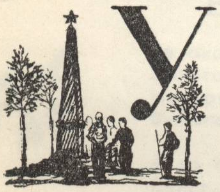

В одной станице

Георгий Дмитриев

Рис. П. Кузьмичёва

У въезда в станицу мы с мальчиками поспорили. Они хотели сегодня идти дальше, в Архиповку, до которой оставалось километров десять. Я же считал, что нам нужно остановиться здесь на отдых. С самого Майкопа, откуда вышел неделю тому назад наш маленький отряд, мы толком не отдыхали, не стирали, не чинились. Кое у кого из нас были уже и лопнувшие тапочки и растёртые ноги.

— Куда вы так спешите? — спросил я, когда мы расположились в тени большого придорожного ореха, чтобы обсудить этот вопрос.— Времени у нас впереди достаточно, а здесь, в школе, нам уже приготовлено на сегодня помещение.

— Лучше лишний день провести в Архиповке, там исторические места есть,— сказал Серёжа, пряча от моего взгляда свой башмак с отвалившимся каблуком.— А тут совсем неинтересно.

— Конечно, лучше! Чего мы здесь не видели!— все разом заговорили ребята.— Только день потеряем, а здесь совсем неинтересно.

— Это почему же неинтересно? — прервал я их.

Серёжа, чувствуя поддержку, заговорил громче:

— А потому, что ничего тут такого нет. Вот в Апшеронской мы нефтепромыслы смотрели, в Дефановке — пещеры, в Горячем Ключе и Линейной — колхозы знаменитые. А здесь что? Это даже не станица, а посёлок какой-то, его и на карте-то нету. И колхоз, должно быть, самый маленький. Что тут может быть интересного?

Я собрался поспорить с ребятами, но не успел.

— А неинтересно, так зачем пришёл? — раздался вдруг обиженный, суровый голос.

Мы оглянулись. На краю кукурузного поля, углом подходившего к нашему ореховому дереву, среди светлозелёных коленчатых стеблей стоял мальчишка, такой загорелый, что свежевыбритая его голова казалась одетой в белую тюбетейку. Он в упор смотрел на Серёжу, сердито сдвинув брови, и не отвёл взгляда, даже когда все мы повернулись к нему.

Потом из кукурузы с шёлковым шелестом вынырнул и стал рядом с ним другой паренёк, поменьше, со вздёрнутым носом. Этот, видимо, не слышал разговора и глядел на нас иначе — с нескрываемым любопытством и немного опасливо.

Мы молча рассматривали друг друга. Набежал из синей глубины долины ветерок, шевельнул листья ореха; по кукурузе пошли суетливые, сухие шорохи, и разом грянули со всех сторон, будто был у них спрятан свой дирижёр, цикады.

Загорелый встрепенулся.

— Пойдём, Славка, — сказал он.— Им до нас нет интереса, а нам — до них.

И повернул спину в синей, чистой, выгоревшей добела рубашке.

— Туда и дорога,— буркнул Серёжа.

Славке уходить явно не хотелось. Он неохотно оторвал от нас взгляд и, уже двигаясь, натыкаясь на кукурузные стебли, всё оборачивал назад свой любопытный курносый нос.

— Погодите-ка, товарищи! — вдруг крикнул я, ещё не зная зачем; Славка быстро повернулся, старший стал в полоборота.— Далеко ли до школы?

— Не-ет,— с готовностью пропел Славка.

— Как идти,— коротко сказал старший.— Дорогой далеко, а бродом близко.

Я поднялся.

— Вот что, ребята,— сказал я своим.— Интересно или нет, а я объявляю отдых. Сейчас мы пойдём в школу и будем приводить себя в порядок.— Мои ребята сразу надули губы, забурчали. — А этих мальчиков попросим проводить нас. Как вас звать?

— Его — Никитой, — ответил младший,— а меня — Славкой.

— Ну, так как же, Никита и Славка? Доведёте нас до школы, где покороче?

Славка заискивающе посмотрел на Никиту.

— Ладно,— сказал тот.— Нам всё равно туда идти.

Ребята мои неохотно поднялись, не очень дружелюбно поглядывая на провожатого, и мы пошли. Впереди шагал суровый Никита, сзади — угрюмые, недовольные — шли мои ребята. Мы со Славкой шествовали посередине, представляя собой нейтральную зону.

Никита скоро свернул с дороги и повёл нас по сухому руслу ручья. Под ногами перекатывались голыши. Во впадины с сохранившейся водой звонко бултыхались лягушки. Среди зарослей ажины начались высокие светложёлтые мальвы. Навстречу вырастала пышная, мягкая от зелени, звенящая цикадами гора.

— Вы откуда же? — поинтересовался Славка.

— Майкопские,— сказал я,— из школы, пятиклассники.

— У нас тоже в этом году пятый класс открывать будут. В него Никита перейдёт. А мне ещё два года до пятого,— затарахтел Славка, которому наскучило, видимо, молчать.—А школа у нас новая, и директор сам чучелы делает. Их у него много! Вы попросите, он покажет. И нырки, и чайки, и ещё недавно Иван Федотович, партийный секретарь, альбатроса убил и тоже в школу на чучелу отдал.

— Настоящего альбатроса? — спросил шедший к нам ближе других Вовка Смирнов.

— А то?.. — сказал Славка. — Они в шторм налетают.

Вероятно, у них с Вовкой завязался бы разговор, но Серёжа уже смотрел сюда настороженно и ревниво.

— Ты что, никогда их не видел, что ли? — пренебрежительно спросил он.— Помоги-ка мне рюкзак подтянуть...

И они с Вовкой Смирновым отстали.

Русло ручья привело к речке, быстрой и неглубокой. На том берегу зеленели уходящие к горе сады, лениво крутилось болгарское колесо, краснели среди тополей конусы силосных башен.

— А вон за теми силосами,— Славка потянул меня за рукав, считая, видимо, уже своим,— участок Ксени Кесовой. Она уже большая, комсомолка. Она первая придумала между табаком бахчу разводить, хотя над ней и смеялись. А Иван Федотыч говорит: «Пусть смеются, сажай, в мою голову». И после больше всех табаку сняла.

— Второе место по району,— не оборачиваясь, сказал Никита.

— Что-нибудь не так,— докторским тоном вставил Коля Горшков, любитель ботаники, вырастивший в этом году лучшую в школе кустистую пшеницу.— Конечно, можно посадить вместе табак и арбузы, но табаку от этого не будет же больше?

— А ты их слушай,— тихонько сказал Серёжа.

Мне это не понравилось. Но как раз в это время мы подошли к броду. Пока мы стояли, ожидая, чтобы все перебрались по набросанным поперёк реки камням, Славка рассказывал, что сейчас будет сельпо, а потом площадь, а на ней — памятник, под которым похоронен неизвестный матрос. А за площадью с памятником — сельсовет и почта, а там и школа, и что если от школы шибко, во весь дух, бежать, то берег моря совсем близко.

Магазин был закрыт на обед. На крыльце плашмя, будто приклеенная к нему всем боком, распласталась собака с добрыми глазами. Не поднимая головы, она искоса посмотрела на нас и лениво постукала хвостом, будто только он один и не был приклеен.

За магазином, на пустыре с кустами держидерева сушилась длинная, метров тридцать, циновка. Близорукий, в очках, Игорь Кашкин долго присматривался к ней.

— И зачем это людям такая длиннющая циновка? — спросил он наконец.

Пока мы стояли, ожидая, чтобы все перебрались, Славка рассказывал мне о станице.

Я, признаться, и сам этого не знал. Меня выручил Славка.

— Это не цыновка, а ловилка для кефали,— сказал он. — Её ночью, когда луна, отвозят от берега и раскладывают по воде, а сами уезжают. А кефаль на неё выпрыгивает. Если место счастливое, то к рассвету и сорок и пятьдесят кефалей бывает, напрыгает.

— Сами? — недоверчиво спросил Егор.

— Сами! — вдруг громко и насмешливо крикнул Серёжа, хотя и делал вид, что не слушает.— Сами так и прыгают, жареные, с луком!

Ребята засмеялись, загалдели, сбившись вокруг Серёжи. Никита, ушедший далеко вперёд, оглянулся на шум подозрительно и сердито.

— Нет, правда же, прыгают! — горячо сказал Славка, подняв на меня голубые глаза.

— Я тебе верю,— ответил я ему. Но мне было ясно, что ребята мои слишком расходились и с ними не поладишь.— Вот придём в школу, сядем, и ты тогда всё нам объяснишь.

Покладистый парень кивнул головой.

Тем временем мы вышли на площадь, седую от полыни. Там, окружённый молодыми топольками, стоял сложенный из тёсаного камня обелиск с красной звёздочкой.

— Вот тебе и раз! — крикнул Вовка Смирнов, когда мы подошли к нему ближе.— Да это вовсе не неизвестному матросу. Тут же написано!

И мы прочли:

«Вечная слава храброму моряку-черноморцу Семёну Боговуту, павшему за родную землю. 1942».

Все глаза повернулись на Славку. Но сейчас никто не смеялся: про такое говорить неправду совсем уж нельзя.

Все глядели на Славку, а Серёжа глядел на Никиту.

— Зачем же они всё врали! — возбуждённо крикнул он.— Здесь же похоронен известный матрос, а он говорил — неизвестный! И всё они врали: и про кефаль и про табак!..

Никита резко повернулся, сжал кулаки, шагнул к Серёже. Серёжа выпрямился навстречу. А я приготовился разнимать их: ничего не поделаешь! Видно, придётся-таки мне вмешаться!

Но Никита вдруг сунул кулаки в карман.

— Ничего Славка не врёт, всё правда. Сам ты...— он не договорил и снова отвернулся.

— Погоди, Никита,— сказал тогда я.— Серёжа неправ, и мы ещё будем с ним об этом говорить. Но неправ и ты. Почему ты всё отмалчиваешься, не расскажешь, не объяснишь толком?

— А ему же неинтересно,— бросил Никита.

— Ему неинтересно, а нам интересно.

— Да что... Славка и сам расскажет.

Славка вздохнул — нето от удовольствия, нето от огорчения, что драки не будет.

— Матрос тут похоронен неизвестный. Так и Иван Федотыч говорит. Я тогда маленький был, сам не видел. Никита, и то маленький был.

— Ты, Славка, по порядку,— сказал я.— Откуда он, неизвестный матрос? Ведь боёв у вас здесь не было?

— Нет... сорок километров не дошло. А матрос с берега — волной прибило. Иван Федотыч говорит: из-под Севастополя. Фрицев, говорит, много прибивало, а тут вдруг свой. И похоронили его с честью всей станицей...

— Про автомат скажи,— подсказал Никита.

— А в руках у него автомат. Не целый, конечно, но всё равно, до того крепко держит, что вынуть невозможно. Так и похоронили с автоматом. А лица не разобрать...

— Ну?

— Ну, стали хоронить, надпись придумывать. А в тот самый час приходит с моря наш рыболовецкий бригадир Боговут — тогда он на «охотнике» ходил, сам три раза раненый. Приходит он до Ивана Федотыча и говорит...

— Этот старик как раз известие получил о сыне, что убит под Севастополем и не найден,— не вытерпел, стал сам рассказывать Никита.— Приходит он и говорит: «Это мой сын, моряк из-под Севастополя. И якорь на руке, и фигурой походит, и всем. А что в час смерти оружья с рук не выпустил, то тем более мой сын и есть...»

— «...Мой сын безотказно и есть»,— вставил Славка, придавая, видимо, этому слову особенное значение.

— Да, безотказно и есть,— согласился Никита: — «И не пишите,— говорит,— неизвестного, а пишите прямо: Семёна Боговута...» Стали было тут некоторые сомневаться, а Иван Федотыч — он и тогда секретарём был — говорит: «Хоть бы это и кто другой — обиды ему нет, об нём тоже где-то непременно вспомянут. И Боговут наш геройски за родину погиб, значит, вечная ему от нас слава...» Так и написали.

Круглое облако с ослепительно высеребренными краями закрыло солнце. По яркозелёным горам поползла его резкая синяя тень.

Повернувший с полудня ветер нёс неуловимый и всё-таки явственный запах близкого моря. Ребята стояли, тесно сбившись в кружок около Славки с Никитой; один Серёжа стоял поодаль; лица его мне не было видно.

— А тебе, Серёжа, неинтересно? — спросил я.

Оглянувшийся было на мой вопрос мальчик быстро опустил голову и ничего не ответил.

Мы двинулись дальше, но шли теперь все вместе.

— Только как же всё-таки она сама на цыновку прыгает, кефаль? — немного погодя задумчиво сказал Игорь Кашкин. — Приманку туда кладут, что ли?

— Нет, совсем другое, — ответил Никита. — Вот когда луна, то от ловилки тень идёт в воду, в глубину. А рыбе кажется, что это загородка. А кефаль — она такая рыба, сворачивать не любит, ей лучше перескочить. Она и через сеть перескочить норовит. Рыбаки это заметили и придумали. Цыновка-то широкая, кефаль на неё и падает. Некоторые, конечно, попрыгают и уйдут, а больше остаются.

— Вот бы посмотреть! — вздохнул Игорь.

— А что? — сказал Никита.— Возьмём лодки да поедем, как будут ловилки ставить. Их или нынче или завтра ставить будут...

— И табак с арбузами тоже посмотрим,— сказал Коля Горшков.— Я догадался, почему табак сильней на бахче растёт: ползучая листва влагу в земле сохраняет... А она пустит, эта Ксеня?

— Пу-устит! — протянул Славка.— Она всех пускает. Иван Федотыч нарочно к ней на участок ребят гоняет.

— Он говорит, чтобы мы учились,— добавил Никита,— брать с земли всё, что нам положено.

Мы шли ужасно медленно и ужасно шумно. Люди оглядывались на нас. Ребята на ходу договаривались, куда и когда пойти, спорили о том, что раньше смотреть — «чучелы» или участок Ксени Кесовой. В этой суете я и не заметил, как Серёжа оказался рядом с Никитой. Я только видел, как, теребя его за локоть, Серёжа что-то быстро говорит ему.

— Только мы с тобой в одной лодке поедем, ладно? — разобрал я.

— Ладно,— как ни в чём не бывало, отвечал Никита.— А утром в балку смотаем, тут за станицей. Там у нас...

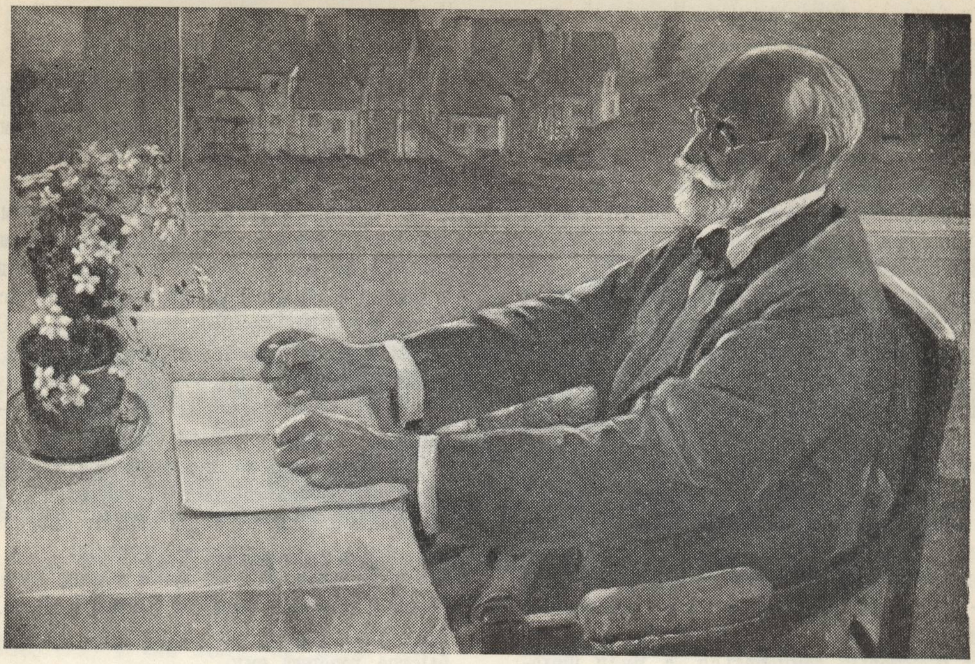
Но что там у них, я за шумом уже не расслышал.

— Вот что, ребята! — стараясь перекричать их всех, сказал я.— Пожалуй, сделаем всё-таки по-вашему: отдохнём часок—другой да и двинем в Архиповку!

Мгновенно воцарилась тишина. Я видел, как в обращённых на меня глазах недоумение и растерянность быстро сменяются возмущением и гневом. Сердитее всех смотрел Серёжа. Я представил, какой сейчас поднимется крик.

Но крика не было: я выдал себя, рассмеялся. И уж не стал говорить им о том, что нет и не может быть на всей нашей бескрайней советской земле такого уголка, где не было бы интересно. Я видел, что они прекрасно поняли это сами...

Итак, похоже было на то, что мы не выберемся отсюда ни сегодня, ни завтра. Впрочем, я не был огорчён. Мне тоже хотелось посмотреть на лов кефали и участок Ксени Кесовой. И ещё мне хотелось увидеть, какой он такой, этот их партийный секретарь Иван Федотович.

ВЕЛИКИЙ ФИЗИОЛОГ

А. Студитский,
профессор, доктор биологических наук

УЛИЦА АКАДЕМИКА ПАВЛОВА

Прямая, как стрела, улица рассекает надвое Петроградскую сторону, уходя через мост в сады и парки Каменного острова. Это Кировский проспект.

Звеня, проносится трамвай. Мелькают в окнах высокие здания, вывески магазинов, скверы.

— Улица академика Павлова! — объявляет кондуктор.

Семиэтажная громада показывается справа. На светложёлтом фасаде лепные украшения. Они не совсем обычны для жилого дома: обезьяны, собаки, на высоте третьего этажа чаша, обвитая змеёй, — знак, которым отмечаются медицинские учреждения. Краткая надпись: ИЭМ — Институт экспериментальной медицины.

Улица академика Павлова упирается в массивные серые ворота. За ними длинная липовая аллея. Налево белое двухэтажное здание.

Переступив порог, мы окажемся в скромной передней. По старинной винтовой лестнице поднимемся на второй этаж. Прямо с площадки вход в большую, светлую комнату. На дверях металлическая табличка с надписью:

Иванъ Петровичъ Павловъ.

Непривычные для глаза три твёрдых знака. Табличка изготовлена более полувека назад, когда Павлов начал работать в институте.

А на столе в кабинете, около письменного прибора, календарь, раскрытый 18 февраля 1936 года. Это последний день, когда Павлов был здесь.

Бережно хранится память великого учёного, работавшего столько лет в стенах этого здания. Здесь каждая вещь говорит о гигантском труде, о научном подвиге его, совершённом для славы Родины и счастья народа.

Во дворе института необычайный памятник. На постаменте цилиндрической формы сидит бронзовая собака. Это памятник животному, сослужившему верную службу науке. На собаке были сделаны бесчисленные опыты, показавшие, как работают органы дыхания, кровообращения, пищеварения. На собаке была решена последняя, самая трудная загадка природы — работа головного мозга.

РЕФЛЕКСЫ

Это было восемьдесят пять лет назад.

В мезонине небольшого деревянного дома светился огонёк. Русоволосый юноша склонился над книгой. Книга попалась такая, что нельзя было оторваться,— она говорила о самом важном для человека — о его сознании.

«Отрежьте лягушке голову и бросьте её на стол,— говорилось в книге.— Щипните её посильнее, и она, пожалуй, сделает прыжок».

Это рефлекс, ответ на раздражение внешнего мира. В нём не участвует головной мозг. Боль в лапке лягушки передалась по нервам в спинной мозг, из мозга был отдан приказ мышцам, и мышцы ноги сократились. Мозг и нервы — необходимые участники любого рефлекса.

Вот, например, вы почувствовали острую боль от укола в ногу. И прежде, чем вы сообразили, что это такое, ваша ладонь хлопает по ноге и убивает кровопийцу-комара. Это тоже рефлекс. «Сигнал» о боли несётся по нервным проводам в мозг, по другому нерву мышцы руки получают «команду» из мозга, и рука ударяет по ноге.

Но ведь, кроме невольных движений, ответов на неожиданные раздражения, есть движения, которые мы делаем по своей воле.

В них участвуют наши желания. Захотел человек пить — поднялся со стула, налил воды и выпил.

В них участвуют мысли. Вот раскрылась форточка, подул сквозняк. «Пожалуй, надо закрыть»,— думает человек, встаёт и закрывает форточку.

В них участвуют чувства. Вот с улицы послышалась музыка. Человек подходит к окну и слушает.

Мысли, чувства, желания — это наше сознание, это работа головного мозга.

В чём же заключается эта работа? Рефлексы, бесконечно сложные рефлексы, вот что это такое, говорилось в книге, которую читал юноша.

Любое желание, любая мысль появляются от воздействия внешнего мира. Сквозняк, звуки музыки, любое раздражение — всё это идёт из окружающего мира и вызывает работу мозга. Лишите человека впечатлений из внешнего мира — и сознание исчезнет.

«Человек, мёртво заснувший и лишившийся чувствующих нервов, продолжал бы спать мёртвым сном до смерти»,— так заканчивалась книга.

Юноша закрыл книгу. Прочитал ещё раз её название: «Рефлексы головного мозга» и фамилию того, кто написал эту книгу,— Сеченов.

— Так вот какая это наука! — прошептал он.

Это было в 1865 году в Рязани. Юноша учился в Рязанской семинарии. Звали его Иван Павлов.

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Два человека в белых халатах сидели у постели больного. Один высокий, плотный, чернобородый. Другой невысокий, худощавый, седой.

— Сейчас больной находится в полном забытьи,— сказал чернобородый.— Он ничего не слышит, ничего не чувствует и ничего не помнит. Утром я закрыл его здоровый глаз, и он погрузился в мёртвый сон.

— Что же с ним случилось? — спросил седой, с интересом рассматривая больного.

— Падение с трамвая. Удар головой о мостовую лишил его всех впечатлений из внешнего мира. Здоровыми у него остались только одно ухо и один глаз. И вот результат: стоит закрыть эти окна во внешний мир, как наступает полнейшее забытьё. Сейчас попытаемся привести его в чувство.

Чернобородый опускает руку на лоб больного. Осторожным движением пальцев приподнимает веко. Показывается белок, серая радужина, чёрный кружок зрачка. Веко начинает моргать. Не понимая, что с ним происходит, больной удивлённо смотрит на людей в белых халатах.

— Как вы себя чувствуете? — громко говорит чернобородый, наклоняясь к уху больного.

— Который час? — медленно спрашивает больной.

— Шесть часов.

— Утра?

— Нет, вечера. Вы уснули утром.

— Ничего не помню,— виноватым голосом говорит больной.— Словно провалился в чёрную бездну.

Чернобородый опять кладёт руку на лоб больного. Пальцы осторожно опускают веко на здоровый глаз. Тишина.

— Вы спите? — спрашивает чернобородый.

Ответа нет.

— Вы что-нибудь чувствуете?

Больной безмолвствует.

— Интересный случай,— говорит седой.— Пятьдесят лет назад Иван Михайлович Сеченов предсказывал, что человек, лишённый впечатлений из внешнего мира, будет спать непробудным сном. Позднее справедливость его слов была блистательно подтверждена на больном в одной клинике. И вот привелось и мне видеть подобный случай.

— Он блестяще подтверждает вашу теорию, Иван Петрович,— почтительно отвечает собеседник.

Седой человек был академик Иван Петрович Павлов.

ТАЙНЫ ПИЩЕВАРЕНИЯ

Великий русский учёный Иван Михайлович Сеченов высказал мысль, что наше сознание — это отражение окружающего нас мира, ответы на раздражения — рефлексы.

Много лет потребовалось, чтобы доказать опытами правильность этой мысли. Иван Петрович Павлов потратил десятки лет, чтобы подойти к решению этой загадки.

Он окончил Петербургский университет. Потом Военно-медицинскую академию. Уже студентом начал вести научную работу: изучал сердце. Потом перешёл к органам пищеварения.

Фистулы пищеварительных желёз у здорового, нормального животного — таков был способ исследования, который ввёл Павлов в науку.

Фистула — это отверстие, идущее с поверхности тела в изучаемый орган. Павлов вывел через фистулы на поверхность тела протоки всех желёз, выделяющих пищеварительные соки. Теперь можно было видеть, как работает желудок, или печень, или слюнная железа.

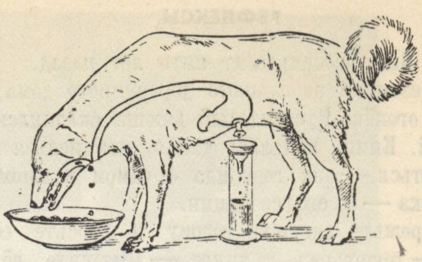
Прославленные физиологи того времени отрицали участие нервов в работе желудка и пищеварительных желёз. Павлов же доказал, что эта работа — самый настоящий рефлекс — ответ на раздражение.

Он поставил знаменитый опыт «мнимого кормления». У собаки с фистулой желудка перерезался пищевод, и концы его выводились наружу. Собака с жадностью набрасывалась на пищу, но корм не попадал в желудок: через отверстие в пищеводе он вываливался обратно в миску.

И, несмотря на это, из фистулы начинал выделяться желудочный сок. Удавалось собирать около литра сока, пока собака ела пищу, беспрерывно сыплющуюся обратно в миску.

Башня молчания.

Опыт «мнимого кормления».

Да, это был несомненный рефлекс — ответ на раздражение: еда раздражает язык, раздражение передаётся в мозг, возвращается в нервы, идущие к желудку, начинает выделяться желудочный сок.

Десять с лишним лет посвятил Павлов изучению органов пищеварения. Его книга «Лекции о работе главных пищеварительных желёз» была переведена на многие иностранные языки. Добываемый по способу «мнимого кормления» желудочный сок стал широко применяться в медицинской практике. Врачи во всём мире использовали указания Павлова при лечении желудочных заболеваний.

Но Павлова попрежнему интересовало человеческое сознание: наши мысли, чувства, желания, привычки, — о раскрытии этой тайны природы он мечтал с юношеских лет.

Но может ли физиолог проникнуть в этот таинственный мир?

— Нет! — согласно отвечали все известные физиологи.

— Может, — говорил себе Павлов. — И рано или поздно проникнет.

УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ

Как пришёл ответ на этот вопрос?

В лаборатории Павлова изучали работу слюнной железы.

На столе в станке стоит собака, над которой произведена несложная операция: проток слюнной железы выведен на щеку собаки, под ним приклеена воронка с пробиркой.

Вот собаке принесли корм, она ест, и в пробирку немедленно начинает капать слюна.

Это самый обыкновенный рефлекс: пища раздражает рот, и в ответ на раздражение мозг заставляет действовать железу.

Но интересно в этом опыте было другое: слюна начинала течь у собаки не только во время еды, а гораздо раньше, как только собака слышала шаги или голос служителя, приносящего обычно ей еду.

— Что же это такое? — спрашивал себя Павлов.

В самом факте не было ничего удивительного. Кто не знает, что у голодного человека при виде пищи «слюнки текут».

Мы говорим:

— Хочется есть.

А что происходит у собаки? Можно ответить:

— Ей тоже хочется есть.

— Ничего не говорящие слова, — сердито говорил Павлов в ответ на такие объяснения. — Какое представление мы имеем о желаниях собаки? Никакого.

А если не желание, то что же это такое? Что приводит в действие слюнную железу собаки?

Павлов всё больше и больше интересовался открытыми явлениями.

В лаборатории испытали не только пищу, но и едкие, неприятные, раздражающие вещества, и песок, и воду. Результат был тот же. Если раздражитель вызывал отделение слюны, то и вид его действовал точно так же.

Наконец мелькнула догадка. Связь раздражений — вот в чём дело.

И вид и вкус пищи действуют на собаку одновременно. Поэтому в конце концов и от одного вида пищи у собаки начинает течь слюна. Но это происходит только при одном условии, если собака уже испытала вкус пищи. Вот почему Павлов назвал это явление условным рефлексом.

До сих пор наука имела дело с простыми рефлексами — безотказными ответами на раздражения. Павлов стал называть их безусловными. Отделение слюны во время еды — это безусловный рефлекс.

Условный рефлекс приобретается только в связи с безусловными рефлексами. Шаги служителя собака слышит как раз перед тем, как получит пищу. И поэтому у неё «текут слюнки». У неё возникает условный рефлекс.

БАШНЯ МОЛЧАНИЯ

Во дворе Института экспериментальной медицины стоит скромное трёхэтажное здание. На фасаде его выдаётся полукруглый выступ, напоминающий водонапорную башню. Эта башня выстроена для изучения условных рефлексов.

Войдём в башню и поднимемся по лестнице. С площадок видны тяжёлые, окованные железом двери. По стенам тянутся провода сигналов. Звенит замок, открывается дверь, мы входим в одну из удивительных лабораторий.

Посреди комнаты огромный чёрный ящик с толстыми стенками — это камера для подопытной собаки. Ни один звук не проникает извне сквозь массивные стены башни. Здесь в абсолютной тишине, при ровной температуре, равномерном осве-

Учёный все время наблюдает за подопытными животными.

щении по желанию учёного возникают и исчезают условные рефлексы.

Учёный не входит в камеру. Собака не видит его. Но он всё время наблюдает через особую трубу за тем, что делает подопытное животное. Перед учёным кнопки, резиновые груши, провода — сложное управление всеми раздражителями, которые вызывают у собаки условные рефлексы.

Собака стоит в камере в полном мраке. И вдруг перед ней вспыхивает лампочка, и сейчас же появляется кормушка с пищей. Из фистулы в пробирку бежит струя слюны.

Такой опыт производят над собакой два дня, а на третий день, едва вспыхнет свет, из фистулы начинает течь слюна, хотя кормушка и не появляется перед собакой.

Значит, у собаки появился условный рефлекс на свет. Условный рефлекс можно выработать на любой звук: свист, звон, шипение, щёлканье метронома, — на любой запах, на самые разнообразные раздражения кожи: покалывание, почёсывание, ожог.

Условный рефлекс — это полезное приспособление собаки к окружающим условиям. Это сигналы о пище.

Но это непрочные, временные рефлексы.

Если два—три раза «обмануть» собаку и после вспышки лампочки не дать ей еду, собака перестанет обращать внимание на лампочку. Слюна не будет течь. Рефлекс угаснет, затормозится.

Это важное свойство мозга — торможение рефлекса. Если бы не было торможения, наш мозг

был бы перегружен многочисленными, потерявшими своё значение рефлексами.

Раздражение и торможение — два свойства, от которых зависит возникновение и исчезновение рефлексов.

РЕФЛЕКСЫ В ЖИЗНИ

У каждого из нас выработано множество условных рефлексов. Мы часто называем их привычками.

Вот мы просыпаемся. Мы думаем о разных вещах: уроках, книгах или предстоящей прогулке, — а руки сами собой берут одежду, надевают её, застёгивают пуговицы. И мы обращаем внимание на одевание только тогда, когда запутается какая-нибудь петля или оборвётся шнурок.

Одевание закончено. Мы подходим к двери — рука сама поднимается к ручке, открывает дверь в ванную комнату. Всё это привычные движения, которые совершаются словно сами собой, автоматически.

Мы привыкаем к тому, что какая-нибудь вещь всегда висит или стоит на одном и том же месте. Например, вы привыкли к тому, что стенные часы всегда висят над дверью. Если часы перевесят, вы ещё долго будете смотреть на то место над дверью, где висели часы, когда вам понадобится узнать, который час. Это будет действовать условный рефлекс, привычные движения.

Это наш жизненный опыт. Привычки — простейший вид этого опыта. Но и в самой сложной работе нашего мозга есть много общего с привычками.

Вся работа мозга совершается в ответ на раздражения, идущие из внешнего мира. Вот почему великие физиологи Иван Михайлович Сеченов и Иван Петрович Павлов учат, что причина работы сознания — внешний мир.

Высшая нервная деятельность — так назвал Павлов работу головного мозга. Наше сознание считалось тайной из тайн. Находились учёные, которые говорили, что эта тайна непостижима. Так же учила и религия. Сознание, говорила религия, — это душа, нетленная и бессмертная, руководимая богом.

Это было неверное и вредное учение.

Не таким человеком был Павлов, чтобы признать над собой власть природы. Вся его жизнь — это борьба за власть над не раскрытой ещё тайной природы. И из этой борьбы он вышел победителем.

ЗАГАДКА СНА

Условными рефлексами можно объяснить многие загадки головного мозга.

Что такое сон? Сколько решений этой загадки было предложено учёными! Говорили, что кровь переполняется «веществами утомления», отравляющими мозг, и будто бы во время сна эти вещества постепенно исчезают. Говорили, что есть специальная железа, выделяющая особый сок, вызывающий сон.

Но всё это были только предположения, не подкреплённые опытом.

Павлов на опыте доказал, что сон — это торможение, разливающееся по всему мозгу.

Вот, например, такой опыт. Собаку кормят при звуке органной трубы. У неё возникает условный рефлекс на этот звук. Потом несколько раз повторяют этот опыт, но корма собаке не дают. Слюны выделяется всё меньше и меньше, и, наконец, она совсем перестаёт течь — наступает торможение бесполезного рефлекса. Если повторить этот опыт ещё несколько раз, собака начнёт дремать, валиться с ног и, наконец, крепко заснёт.

Это торможение из одного участка мозга разлилось по всему головному мозгу. В этом и состоит сон.

— Торможение и сон — один и тот же процесс, — говорил Павлов.

А душевные болезни? Какой таинственностью окружала их прежде наука. Сколько суеверий и религиозных предрассудков возникло на этой почве.

— Неисчислимые выгоды и чрезвычайное могущество над собой получит человек, когда человеческий ум посмотрит на себя не изнутри, а снаружи, — говорил Павлов.

И он показал это могущество в своих исследованиях душевных болезней.

Он научился воспроизводить их у собак. Потом нашёл способы их лечения, и эти способы широко вошли в клинику душевных болезней.

ПОДВИГ УЧЕНОГО

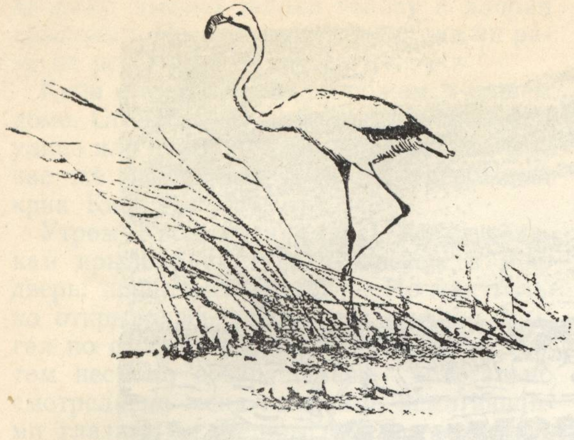
Работы Павлова стали известны всему миру. Его почитали все передовые учёные, но он не получил полного признания в царской России, потому что его учение противоречило церковному учению, противостояло религии.

Полное и всестороннее развитие дело Павлова получило только при советской власти.

— Наша Родина, — говорил Павлов в своём знаменитом обращении к советской молодёжи, — открывает большие просторы перед учёными, и — нужно отдать должное — науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро!

Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин высоко ценили труды Павлова — учёного, который указал новые пути науки, ведущие к полной, неограниченной власти над природой.

Ивану Петровичу Павлову принадлежит заслуга создания науки о работе головного мозга — решение самой трудной загадки природы.

КИБИ

Вл. Архангельский   Рис. Г. Никольского

Однажды в конце января, когда уже по-весеннему начало пригревать щедрое солнце Туркмении, я вместе со своим товарищем по охоте, весёлым рыжеусым стариком Трофимом Савельичем Бабута приехал в рыбацкую деревушку Чикишляр, раскинувшуюся на плоском песчаном берегу Каспия. Мы остановились в опрятном домике на сваях у бригадира Берды Аламанова, худощавого, высокого туркмена в смазных сапогах выше колен, в рыжей мерлушковой шапке и в лёгком пёстром халате.

— На куласе ходить умеете? — спросил он нас и, получив утвердительный ответ, добавил: — Ну тогда быть вам с дичью...

Задолго до зари мы спихнули кулас в воду и вышли в открытое море. Вскоре небо над берегом порозовело, на спокойной глади воды заиграли краски раннего утра. Мы увидели в туманной дали какой-то сказочный остров. Он был розовый, как лепесток шиповника, и очертания его беспрерывно менялись.

— Что за чудо, Трофим Савельич? — спросил я тихо.

— Птицы это... фламинго... — ответил он, пристально вглядываясь в свинцовую даль моря.

Мы обогнули сказочный остров и стали приближаться к нему, чтобы отрезать птицам дорогу в море.

Изредка поворачивая головы в нашу сторону, птицы спокойно погружали длинные шеи в воду, отряхивались, хлопали крыльями и лопотали по-гусиному. Казалось, их совсем не тревожило появление куласа.

На счастье, бриз стал свежее и без наших усилий подгонял кулас к птицам. Мы легли на дно лодки и плыли, ничего не видя, кроме ослепительной синевы неба да высоких бортов куласа. И только когда лодка чуть слышно коснулась дна, мы осторожно приподняли головы.

Берег был недалеко, но фламинго отошли от нас вправо, ближе к Чикишляру. Теперь они уже не плыли, а чинно шагали по воде к берегу, изредка окуная в воду короткие розовые хвосты.

Мы осмотрелись и решили, что Трофим Савельич высадит меня незаметно на берег, а сам повернёт обратно и попытается направить птиц в мою сторону.

Неуютно и скучно было лежать на голом, пустом берегу. Но я лежал совершенно неподвижно.

Фламинго прошли немного вперёд, а затем резко повернули ко мне. Теперь я хорошо видел их длинные карминно-красные ноги и толстые, горбатые клювы, которые они изредка погружали в воду.

Трофим Савельич удачно завершил полукруг и причалил к берегу в ту самую минуту, когда все птицы вышли на песчаную косу. Он выволок кулас на берег, уселся на его борту, спокойно скрутил и закурил цыгарку. Кулас приковал к себе внимание птиц. Они стояли тесной кучей у края воды, повернув толстые надломленные носы к Савельичу, потом развернулись в одну шеренгу и медленно двинулись ко мне.

Всё шло бы прекрасно, если бы не проклятая ворона.

Не знаю, каким ветром занесло её на этот скучный, голый берег, но она пролетела над Трофимом Савельичем и над птицами и подняла истошный крик, выписывая круги и петли надо мною.

Сколько раз мешала мне на охоте эта старая сплетница! Вороны и сороки имеют такое обыкновение: обнаружив затаившегося охотника, они начинают тревожно кричать, как бы подавая знак: чужой, спасайся, пока не поздно.

Охота была испорчена. Фламинго резко повернули головы в мою сторону, затем побежали к песчаным холмам и грузно стали подниматься на крыло.

Я вскочил на колено и послал четыре выстрела вдогонку улетавшей стае. Но выстрелы никого не задели.

Вдруг я услыхал крик Трофима Савельича и увидел, что он бросился за гряду песчаных бугров. Я побежал к старику. Савельич стоял, широко расставив ноги и прижимая к груди большую розовую птицу. Она била его крыльями, царапала руки острыми когтями и порывалась клюнуть в смеющиеся рыжие усы.

— Ну, успокойся, успокойся, красавица, мы тебя не оставим, в город поедешь с нами! — бормотал Савельич.

Нам пришлось обвязать птицу шарфом, чтобы не поломать её красивых перьев.

— Между прочим, весьма любопытный случай,— говорил Трофим Савельич, шагая рядом со мной. — Сколько ни глядел, и кровинки нет на птице. Подбежал к ней, смотрю — лежит, как мёртвая, а протянул руки, чтобы взять её, вскочила на ноги и давай ходу! Еле догнал!

Мы принесли птицу домой и ещё раз внимательно осмотрели её. Она в самом деле была целёхонька. Только на спине был вырван небольшой пучок перьев и виднелся небольшой синяк.

— Не иначе, как ты вогнал её в обморочное состояние, — сказал Трофим Савельич. — Счастливая оказалась твоя картечина: живой оставила птицу!..

Прошла неделя. Каждый день мы уходили на куласе далеко в море. Много встречалось нам диковинных островов: и розовых, и белых, как первый чистый снег, — это сидели лебеди, и тёмносерых, как кора старого тополя, — это сидели гуси.

Но, видимо, накаркала нам беду ворона: ни разу не удалось нам подойти близко к крупной дичи.

Мы стреляли лысух, нырков и гагар. Изредка убивали крякву или чирка. Такая охота нам скоро наскучила. Рыболовы знают, как грустно бывает удить ершей в том омуте, где в большие стаи сбился крупный лещ и где на зорях играет вёрткий и осторожный язь.

И вот однажды мы уселись в грузовую машину, гружённую рыбой, взяли на руки нашу розовую пленницу, пожелали рыбакам счастья и покатили в город.

* * *

Как только я появился в нашем дворе с розовой птицей в руках, со всех сторон сбежались ребята.

Фламинго вырвался из моих рук и неуклюже побежал к воротам, вытянув шею и хлопая крыльями. Двор был мал, ворота закрыты, и пленница не могла подняться в воздух. Она опустила крылья и жалобно крикнула.

— Она крикнула «киби», — сказал кто-то из малышей.

— Давайте и назовём её Киби, — предложил я.

Так началась новая жизнь Киби. Чаще всего её можно было видеть стоящей на одной ноге посредине лужи у водопроводного крана.

Когда кто-либо приближался к ней, она поспешно отбегала в сторону, шипела, как гусь, и угрожала своим толстым, горбатым клювом.

В лунные ночи, а иногда и днём, когда над городом пролетали птицы, она начинала волноваться, беспокойно бегала по

дворику, высоко задрав голову и хлопая крыльями. Но, как ни странно, она ни разу не порывалась улететь.

Киби стала ночным сторожем в нашем доме. Стоило кому-либо пройти ночью по улице или постучаться в калитку, как тотчас же раздавался громкий, тревожный крик Киби.

Утром Киби поднималась по ступенькам крыльца и стучала клювом в мою дверь: пора, мол, вставать! Но как только открывалась дверь, она, смешно прыгая по ступенькам, убегала во двор. Потом несмело возвращалась, пристально смотрела на меня жёлтыми, немигающими глазами и, подпрыгнув раз — другой, била меня клювом в грудь или в локоть.

Я ставил перед ней алюминиевую миску. Киби жадно набрасывалась на еду и громко клевала зёрна, словно строчила на швейной машинке. Ела она всё, что бывало у нас за столом: хлеб, суп, разные каши, зелень, фрукты, — но больше всего любила пшено и рис.

Когда я пытался погладить Киби, она поспешно отскакивала от меня и недовольно трясла головой.

К имени своему она так и не привыкла. Сколько я ни звал её, она словно не замечала меня и только тогда бросалась навстречу, когда видела в моих руках знакомую блестящую миску.

Приближался день моего отъезда: вскоре я должен был вернуться в Москву. Меня беспокоила судьба Киби.

— Что будем делать с нашей красавицей? — спросил я однажды у Савельича. — Возьми её себе, старина!

Но Трофим Савельич с сожалением посмотрел на Киби и сказал:

— Зачем мне, старику, такая красота? Давай подарим её детям: отдадим её в зоологический сад, пусть все любуются нашей Киби!

Так и сделали...

Примерно через неделю мы отправились в зоопарк, в гости к Киби.

Четыре фламинго стояли в бассейне, спрятав головы под крылья, но и среди тысяч птиц мы узнали бы свою Киби по каким-то мало заметным приметам, которые замечает только зоркий глаз охотника.

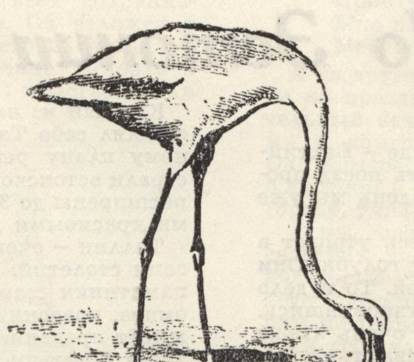
— Киби! — сказал я негромко.

Одна из птиц вздрогнула, выпрямила длинную шею и с каким-то недоумением посмотрела на нас.

— Значит, запало ей что-то в память! — сказал обрадованный Трофим Савельич. — Глупая, конечно, как и всякая болотная птица, а вот откликнулась!.. Киби, Киби! — позвал он.

Но Киби отвернулась от нас и стала чистить свои нарядные, яркие перья.

— Подожди, Трофим Савельич, сейчас Киби узнает нас, — сказал я и поставил возле решётки знакомую алюминиевую миску с едой; Киби, заметив миску, сразу подбежала к нам, клюнула мой локоть и привычно стала выбирать зёрна.

МЫ ПУТЕШЕСТВУЕМ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

Двадцать семь юных туристов — ученики московских школ Свердловского района — совершили прошлым летом путешествие по Эстонии. Они увидели, как живёт и работает эстонский народ, за восемь лет до этого свергнувший власть капиталистов и помещиков, чтобы взять в свои руки свою судьбу. Они видели много древних памятников — свидетелей вековой борьбы эстонского народа против поработителей, немецких рыцарей-меченосцев. Они видели эстонские фабрики, заводы, шахты, природные богатства республики, познакомились с жизнью крестьян в молодых эстонских колхозах, узнали, как Эстония залечивает раны, нанесённые войной и долгими, тяжкими годами фашистской оккупации. Все свои впечатления они записали в дневники. Часть этих записей и карту похода мы даём на страницах «Пионера». Авторы записей: Андрей Меккель, Валерий Габинов, Арик Савченко, Майя Долуденко, Люся Невзорова, Саша Шмидт, Валя Чесновицкая, Володя Линёв, Оля Мордасова, Люся Трапаревская, Женя Дмитриева, Володя Глоцер и другие.

По Эстонии

В ТАЛЛИНЕ

Балтийский вокзал в Ленинграде — Балтийский вокзал в Таллине, этот путь поезд прошёл за двенадцать часов, и в полдень мы уже были в столице Эстонии.

Таллин — сплошной парк: он весь утопает в зелени. На улицах расхаживают голуби. Они совсем ручные и не боятся людей. То и дело мы видели, как прохожие, остановившись, бросают птицам зерно. Эстонцы очень любят голубей и постоянно подкармливают их, оттого птицы так доверчивы.

Мы шли по чистеньким весёлым улицам и просторным площадям. Многие улицы очень узки: в 5, а то и в 3 метра. Это самые старые улицы в городе. Некоторые из них и до сих пор застроены средневековыми домами с высокими, крутыми крышами, узорными коньками и затейливыми флюгерами.

Каждый из нас, глядя на эти улички, представлял себе Таллин будущего. По генеральному плану реконструкции, основные магистрали эстонской столицы будут выпрямлены, расширены до 35 метров и застроены большими красивыми домами.

Таллин — очень древний город: ему более семи столетий. На каждом шагу встречаются памятники старины. Вот крепость — замок Тоомпеа, ровесник города. О Тоомпеа в народе живёт предание: когда умер герой эстонского эпоса богатырь Калев, его жена Линда принесла в подоле своего фартука камни и высыпала их на могилу мужа. На этом-то месте и выросла крепость Тоомпеа. Линда горько плакала по Калеву, и слёзы её наполнили ров, окружающий замок.

Мы с уважением смотрели на седые камни крепостной стены, свидетельницы многих событий. Тоомпеа — центр старого Таллина, при-

мечательного своими строгими башнями, средневековыми домами и Олайской церковью, достигающей высоты 125 метров.

Немецкие фашисты разрушили много памятников старины. Ныне следов разрушения почти нет. В восстановлении Таллина принимает участие всё население города.

На одной из площадей поставлен памятник советским воинам, павшим в бою за Таллин. Это символ благодарности таллинцев воинам Советской Армии, освободившим Эстонию.

Мы посетили фанерно-мебельную фабрику, которой уже сто лет. Это — крупное предприятие. До Великой Отечественной войны оно давало чуть ли не десятую часть общесоюзного производства мебели. После осмотра всех цехов мы побывали на складе готовых изделий. Здесь горы мебели, отсюда её посылают во все концы Советского Союза.

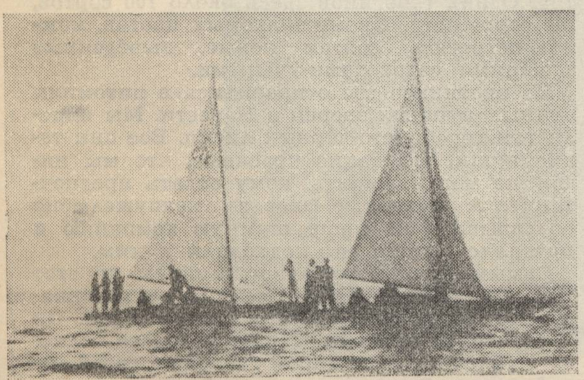
Побывали мы и на заводе «Вольта», где в одном из цехов с 1901 по 1904 год работал Михаил Иванович Калинин. Сейчас на его станке работает старый токарь товарищ Вальмет, пришедший на завод в 1905 году.

Так началось наше путешествие по Советской Эстонии, и каждый день приносил нам много новых впечатлений.

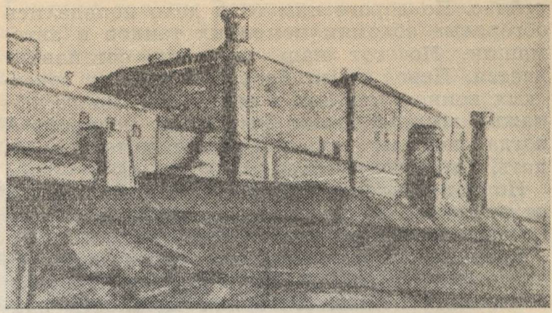
НА ОСТРОВЕ САРЕМА

Солнце стояло уже совсем низко, когда мы приехали на полуостров Виртсу. Вот блеснул последний луч, блеснул и утонул в море. Наступила светлая эстонская ночь. И в то время, когда в далёкой Москве на Спасской башне куранты били полночь, двадцать семь москвичей располагались ко сну на пароходе «Меркурий». Утром, рассекая балтийские воды, он отчалил от пристани и направился к острову Мухý. Оттуда мы проехали на остров Сарема.

Курессаре — главный город острова Сарема. Он невелик. Над всеми улицами и переулками этого зелёного, курортного городка каменной громадой высится угрюмый и мрачный средневековый замок — свидетель векового угнетения эстонского народа. Курессарский замок — самый большой из всех сохранившихся замков в Прибалтике. Он заложен в первой половине XIII века и строился сто лет. И каждый год на его постройке умирало в среднем восемьсот человек. С чувством боли

Легко скользят яхты. Это московские ребята катаются со своими новыми друзьями.

Это древний замок Тоомпеа, легенду о котором ребята записали в своих дневниках.

осматривали мы этот памятник насилия, жестокости и рабства, построенный на крови эстонского народа.

В тот же день мы побывали в маленьком, но известном всем людям города домике на одной из тихих улиц Курессаре. Здесь родился эстонский революционер — большевик Виктор Эдуардович Кингисепп. Он был смелым подпольщиком и боролся за победу Октябрьской революции. Он хотел, чтобы эстонский народ тоже стал свободным. Но, выданный провокатором буржуазному правительству Эстонии, он был расстрелян.

Так в один день перед нашими глазами прошли памятник рабства и памятник борьбы за освобождение эстонского народа.

НАШИ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Вечером местные комсомольцы пригласили нас кататься на яхтах по морю. Разместились на трёх судах. Молодые эстонцы пели народные песни. Яхты сходились и расходились в море, и нежные эстонские мелодии лились над волнами. Лучше всего была песня о Сарема. Её поют рыбаки, возвращаясь с лова. Вот несколько строчек из этой песни:

«Я смотрю с лодки,
Далеко ли мой Сарема?..
Если хочешь стать моей женой,
Приезжай на остров Сарема!
Мне всего милей и ближе
Мой родной Сарема...»

А на другой день мы были в городском парке на празднике молодёжи. Это был замечательный вечер! Мы подружились с пионерами и комсомольцами курессарской школы. Они нам рассказывали о своей работе, учёбе, о лыжном и парусном спорте, о своём родном городе, учили нас петь эстонские песни.

А мы говорили им о Москве, о работе московских пионеров и комсомольцев. И хоть некоторые из наших новых друзей плохо владеют русским языком, а мы совсем не говорим по-эстонски, мы по-настоящему чувствовали себя членами одной, общей, дружной семьи. Мы обменялись адресами, дали слово писать друг другу и разошлись поздно ночью.

ПО СЛЕДАМ ЖЕСТОКИХ БОЕВ

Утром машина мчала нас на полуостров Сырве, югозападную оконечность Сарема. В годы Великой Отечественной войны здесь шли ожесточённые бои. Следы их видны и

сейчас. По дороге нам то и дело попадались обгорелые обломки немецких танков и автомашин. Но вот наш грузовик останавливается. Перед нами братская могила советских воинов, павших в этих боях. Долго, обнажив головы, стоим мы перед могилой. А когда поехали дальше, то не хотелось ни петь, ни разговаривать.

Но вот показалось море—и справа и слева от дороги. Это уже полуостров Сырве. Здесь необыкновенно пышная растительность.

Добравшись до южной его оконечности, все принялись за работу. Геологи рассматривали обнажения почвы, измеряли мощность пластов, собирали образцы известняков и древние окаменелости, ботаники обнаружили растения, свойственные только этому острову.

Жители деревни, в которой мы остановились, рассказывали нам о тяжёлых днях немецкой оккупации, о том, как крестьяне скрывались в лесах, партизанили, и о том, как они теперь строят счастливую жизнь.

Когда, вернувшись в Курессаре, мы собрались покинуть гостеприимный остров, нас провожали эстонские друзья. Много раз мы фотографировались с ними на фоне моря с цветами и без цветов. Ещё и ещё раз повторяли обещания писать письма (мы эти обещания до сих пор выполняем твёрдо).

Наконец мы на катере, который медленно отходит от берега. Столпились на палубе и машем платками тем, кто остался на берегу. Курессаре уходит вдаль, но долго ещё маячит из-за деревьев парка, словно провожая нас, башня «Длинный Герман». Кстати сказать, нам очень нравится, что у эстонцев средневековые памятники часто называются запросто: здесь вот «Длинный Герман», а в Таллине башня «Толстая Маргарита».

ДВЕ ФАБРИКИ

Очень интересной была поездка в окрестности города Пярну. Сперва мы побывали на ткацкой фабрике. Она выпускает прекрасные ткани.

Ещё больше нам понравилось на брикетной фабрике. Это огромное предприятие—основной поставщик торфобрикета. Мы осмотрели всю фабрику. Нас поразило небольшое количество рабочих на фабрике. Все процессы производства механизированы, и машины управляются с центрального пульта. Видя всё это, мы испытали гордость за человека и размечтались о будущей технике коммунистического общества, когда самые сложные изделия будут изготовляться так же легко, освобождая время и силы людей.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОЗЕРО

Ночью мы приехали в старинный город Вильянди, а утром, забравшись в тесный кузов полуторки, отправились осматривать достопримечательности южной части Вильяндского уезда. Ещё издали увидели мы озеро Синиа́леку и удивились его необычайной голубизне. Неужели небо так отражается в воде? Нет, бледное северное небо не может дать такого яркого синего цвета. Мы подошли к самому озеру и сквозь хрустальную гладь воды увидели совершенно голубое дно. Это

В Таллине сохранился домик, где жил Пётр Первый, когда он приезжал сюда. Юра Попов зарисовал этот домик-музей с натуры.

очень заинтересовало наших геологов. Ребята поспешно разделись, но первый, кто прыгнул в воду, закричал от неожиданности: вода была ледяная, как в проруби, холод сковывал всё тело, захватывал дыхание. Пересилив себя, отважный исследователь всё же нырнул, но... через секунду пробкой вылетел на поверхность. Какая-то невиданная сила вытолкнула его наверх. Многие ребята пытались достать дно, но даже самые лучшие наши пловцы не смогли этого сделать. Неизвестно, долго ли продолжались бы эти попытки, но проходивший мимо местный житель остановил нас и сказал, что не стоит стараться: ещё никому не удавалось в этом озере достать дно. На дне Синиа́леку бьют такие холодные ключи, что долго находиться в этом озере невозможно. Присев на корточки и закурив трубку, этот человек рассказал нам легенду об озере Синиа́леку. Это была легенда о злой русалке, храбром эстонском юноше и о неизбежном почти в каждой эстонской легенде жестоком меченосце. Как тяжко было немецкое рабство, если в народной памяти и в творчестве оно оставило такой неизгладимый след!

К вечеру этого дня мы приехали в филиал Эстонской Академии наук. Здесь находятся огромные опытные цветники, огороды, пасеки. Особенно поразил нас цветник: в нём собрано 2420 сортов растений; целое море цветов! Одних георгинов здесь около 100 сортов, 242 сорта астр. Кроме знакомых цветов, можно встретить совсем новые, выведенные здешними садоводами-учёными.

Из цветников мы отправились в питомник ценных пушных зверей в На́вести. Мы видели там серебристо-чёрных лисиц. Все они такие пушистые, такие красивые, что мы никак не могли решить, кому отдать предпочтение. А мохнатые зверьки недружелюбно поглядывали на нашу шумную компанию и прятались, когда мы подходили к ним.

Самым радостным впечатлением в этот день была встреча с эстонскими колхозниками. Колхоз имени 1 Мая совсем молодой. Он организован недавно. Члены молодого колхоза с увлечением и жаром говорят о своей новой жизни. Они уже воочию убедились в преимуществах коллективного труда. В колхозе 22 семьи, землю помогает им обрабатывать

МТС. Приятно было видеть весёлые лица людей, светлые домики, чистые, в полном порядке скотные дворы. Довольством и дружбой веяло от всего. Нам было жаль уезжать.

НАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО

Тарту, старый университетский город, явился нам в праздничном уборе. Все улицы были украшены флагами, красивыми транспарантами и плакатами. В этот день, 21 июля, Советская Эстония отмечала свой юбилей: восемь лет прошло с тех пор, как эстонский народ сверг буржуазно-реакционное правительство и вступил в дружную семью народов Советского Союза. Гуляя по городу, мы любуемся праздником, и мысли наши обращаются к Москве. Вокруг нас такая же особенная, праздничная атмосфера, люди так же нарядны и веселы, как и в Москве. Целый день по радио звучит весёлая музыка, и кажется, вот-вот из репродуктора послышится голос московского диктора, извещающий о начале парада на Красной площади. Со стен на нас глядят знакомые, дорогие лица вождей. Ничего, что звучит незнакомая речь. Мы себя чувствуем, как дома.

КОХТЛА-ЯРВЕ

Наконец мы в Кохтла-Ярве. Ещё в Москве мы много слышали об эстонском сланцевом бассейне, о переработке сланцев в газ и постройке газопровода Кохтла-Ярве — Ленинград.

И вот мы в городе, в котором со сказочной быстротой возникают новые дома.

Прежде всего мы побывали в шахтах.

Вот что рассказал сопровождающий нас геолог: горючие сланцы сродни нефти. Они тоже образовались в древних, исчезнувших миллионы лет назад морях: мириады мельчайших животных, умирая, оседали на морское дно, которое потом стало сушей.

Горючие сланцы Эстонии известны уже более двух столетий, но только тридцать лет назад эстонское буржуазное правительство сделало попытку их добывать. Из сланцев, как из нефти, можно получать бензин, керосин, технические масла, а главное, их можно превращать в горючий газ.

Сначала мы побывали в старой шахте. При свете шахтёрских лампочек мы путешествовали по её горизонтальным ходам—штрекам, и, хотя это было очень интересно, мы с облегчением ушли из-под сырых, скользких сводов к солнцу, к свету, к теплу. Потом мы спустились в новую шахту. Как она не похожа на старую! Дело не только в том, что она в два раза производительней, а и в том, каковы здесь условия труда. Кругом электрическое освещение. Штреки просторные и сухие.

— Это наша первая социалистическая шахта. Посмотрите, здесь сухо, как в московском метро!—с гордостью говорят рабочие.

Сказать по правде, когда мы только что приехали, нам не особенно понравился Кохтла-Ярве. Здесь такая пыль, что с непривычки трудно дышать. Всё серое от пыли, даже деревья. Но всё, что мы увидели, заставило нас почувствовать уважение к этому молодому городу. Он теперь казался нам похожим на стахановца в запылённой спецовке, который трудится горячо и с любовью. Мы знаем: близко время, когда Кохтла-Ярве скинет «пыльную спецовку» и предстанет в нарядном и праздничном уборе цветников, газонов, парков и сверкающих чистотой тротуаров.

Двадцать восьмого июля, в 6 часов вечера, мы уехали в Нарву, а оттуда — в Ленинград.

До свиданья, Эстония! За этот месяц мы не только узнали тебя, но и полюбили. Мы приобрели здесь много друзей, и самые лучшие наши воспоминания связаны с этой поездкой.

Рабочие сланцевого бассейна переселяются в новые хорошие дома. На глазах растёт шахтёрский посёлок. И странно видеть рядом с этими светлыми домами старую лачугу.

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

ЧЕМУ ВЫ НАУЧИЛИСЬ ЛЕТОМ?

Вот и кончается лето. Скоро замолкнут лагерные горны, отзвучат походные песни, погаснут прощальные пионерские костры. Скоро снова старые друзья встретятся в школе.

У каждого из вас, ребята, за лето накопилось много новых впечатлений, много такого, о чём хочется рассказать товарищам. Но пройдёт некоторое время—и весёлое лето станет забываться. А жаль: в лагерных походах и беседах у костра, в прогулках и в экскурсиях по новым местам, в увлекательных играх вы узнали немало такого, что очень важно надолго сохранить в памяти.

Как же это сделать?

У ребят многих школ давно вошло в обычай устраивать выставки и проводить сборы, посвящённые лету. Об этих сборах ребята думают ещё летом и заранее готовят экспонаты для выставки. Каждому ведь хочется поделиться с товарищами тем интересным, что было летом, привезти школе хороший подарок.

Вот, например, в лагере возле села Большие Вязёмы есть своя самодельная метеорологическая станция. Её сделали ребята и наблюдают за погодой. А в школе, где учатся эти юные метеорологи, есть модель станции. Ребята сделали её для школьной выставки, которую они обычно устраивают в начале учебного года. На этой выставке вы увидите также чучела птиц и маленьких зверьков: белки, крота, ежа. Это тоже работа ребят. Делать чучела научил их в лагере местный охотник.

А в другом подмосковном лагере ребята построили плотину. Речка возле их лагеря была очень мелкая. Купаться в ней было неинтересно. Кто-то из ребят предложил запрудить её. И вот появились свои «инженеры», «прорабы» и «бетонщики». Правда, первую плотину выстроили неудачно: её сразу размыло водой. Зато вторая удалась наславу. Макет этой плотины ребята приготовили для выставки.

Выставку, посвящённую лету, можно организовать в каждой школе. Она не только расскажет о том, как вы отдохнули и чему научились. Гербарии, коллекции и чучела пригодятся вам на уроках.

Участвовать в выставке может каждый из вас, где бы вы ни проводили лето: в лагере, в деревне или дома.

Ребята из Теряевского детского дома Волоколамского района, Московской области, очень хорошо провели каникулы. Эти ребята вообще любят путешествовать. С каждым летом для них остаётся всё меньше и меньше незнакомых мест в их прославленном в годы Великой Отечественной войны районе. Совсем недавно они вернулись из нового похода по местам боёв, происходивших осенью 1941 года. Один волоколамский партизан водил их по бывшим стоянкам своего партизанского отряда. И весь собранный в этом походе материал: рисунки, хорошо оформленные записи и интересные находки—ребята приготовили для школьной выставки. Они решили познакомить с тем, что узнали во время походов, всех учеников школы.

В одном лагере ведётся «Книга приключений», в которой записываются и смешные, и страшные, и весёлые случаи и события. Вадим Чапский из Воронежа записывает свои наблюдения за лесными птицами и зверями в форме маленьких рассказов. Один из этих рассказов — под названием «Лесные происшествия» — вы читали в № 7 нашего журнала.

Книга таких рассказов, «Книга приключений», личные и коллективные дневники будут очень интересными экспонатами выставки. Большое место на выставке займут работы юннатов, юных техников, авиамоделистов.

Только помните: все экспонаты выставки должны быть аккуратно и красиво оформлены.

Но не все летние дела можно показать на выставке.
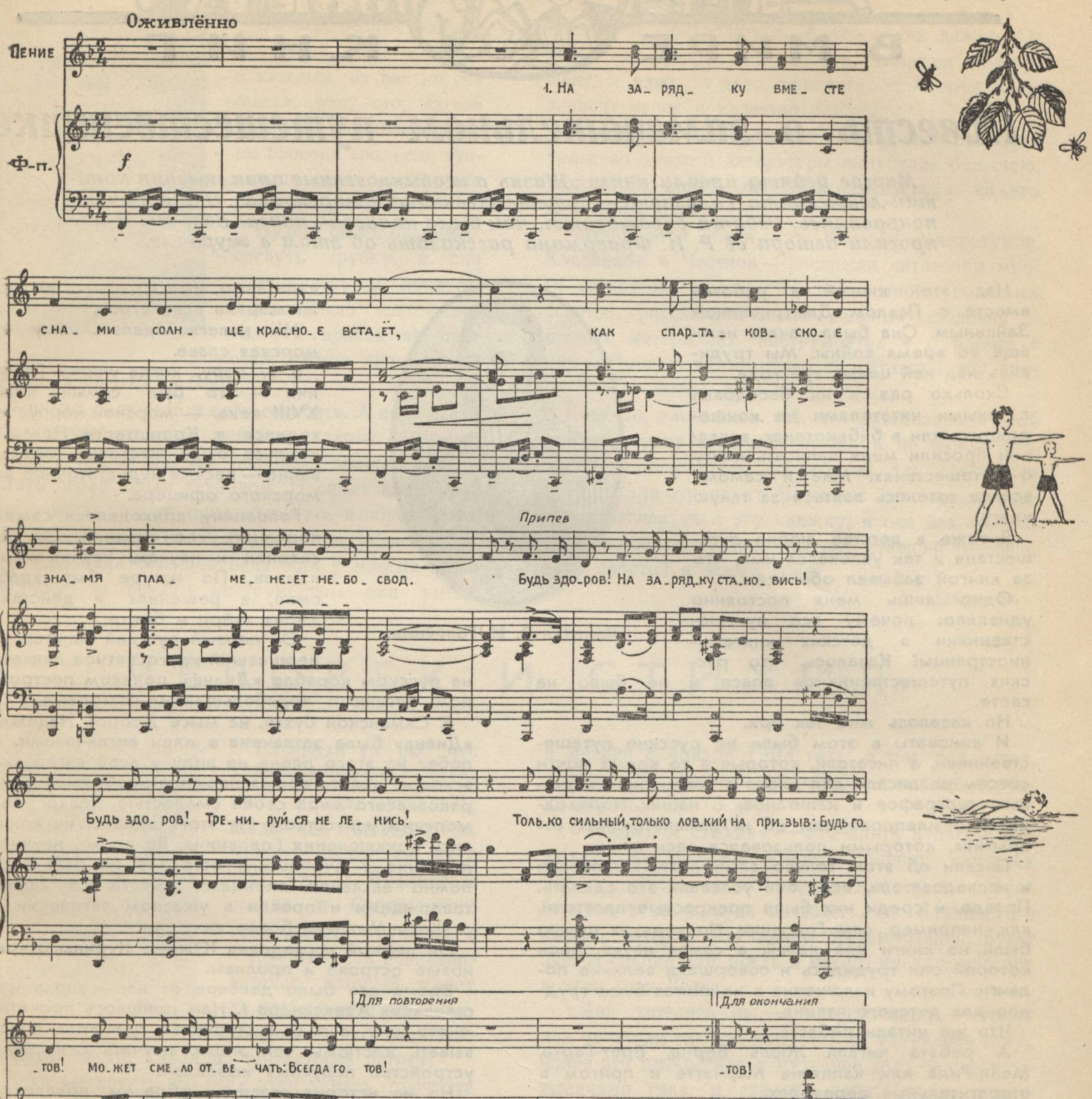
Очень хорошо поступают те пионеры, которые отмечают конец лета не только выставкой, но и отрядными или дружинными сборами. На этих сборах надо показать, чему вы научились за лето. Пусть выступят ребята—физкультурники, танцоры, певцы, члены драматического кружка—с новой постановкой. В конце сбора можно устроить карнавальное шествие в костюмах и масках, которые вы сделали в лагере.

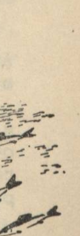
И выставка и сбор доставят вам много удовольствия, а самое главное—они помогут вам с первых же дней учебного года начать интересную пионерскую работу.

Будь здоров!

В. Гурьян

Музыка Д. Прицкера

На зарядку вместе с нами
Солнце красное встаёт.
Как развёрнутое знамя,
Пламенеет небосвод.

Припев:
Будь здоров!
На зарядку становись.
Будь здоров!
Тренируйся, не ленись.
Только сильный,
Только ловкий
На призыв:
«Будь готов!» —
Может смело отвечать:
— Всегда готов!

Мчится ветер вдоль по бровке,
Хочет первенство занять.
Но ему без тренировки
Пионеров не догнать.

Припев.

По реке холодноватой
Стилем кроль и стилем брасс
Пусть мальки и лягушата
Плавать учатся у нас.

Припев.

Мышцы стали, как пружины!
Пусть попробует любой,
Нам за честь своей дружины
Состязаться не впервой.

В МИРЕ КНИГ

Повесть о замечательном путешественнике

Многие ребята прочли книгу „Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина — путешественника и мореходца“. Она им очень понравилась. Ребята спрашивают, как была написана книга. Вот мы и попросили автора её Р. И. Фраермана рассказать об этом в журнале.

Над этой книгой я работал вместе с Павлом Дмитриевичем Зайкиным. Она была начата нами ещё во время войны. Мы трудились над ней целых три года.

Сколько раз я ни беседовал с юными читателями на конференциях или в библиотеках, всегда они просили меня написать книгу о путешествиях. Мне и самому всегда хотелось взяться за такую книгу.

Я тоже в детстве любил путешествия и так увлекался ими, что за книгой забывал обо всём.

Капитан В. М. Головнин.

Одно лишь меня постоянно удивляло: почему все путешественники в детских книгах — иностранцы? Казалось, что русских путешественников вовсе и не было на свете.

Но казалось мне так зря.

И виноваты в этом были не русские путешественники, а писатели, которые в то время почти совсем не писали для ребят о жизни наших учёных, географов и капитанов, о наших мореходцах и землепроходцах, об их замечательных открытиях, которыми пользовался весь мир.

Писали об этом только сами путешественники и исследователи, если они успевали это сделать. Правда, и среди них были прекрасные писатели, как, например, сам Головнин. Но ведь их целью были не книги для детей, а самая наука, ради которой они трудились и совершали великие подвиги. Поэтому изложение в их книгах было трудное для детского чтения.

Что же читали ребята?

А ребята читали Жюль Верна, Брет-Гарта, Майн-Рида или капитана Мариэтта и притом в отвратительных переводах.

Меж тем сколько удивительных приключений и подвигов, сколько замечательных открытий, обогащающих всю мировую науку, делают и сейчас советские люди, делали и в прошлом русские мореходцы, учёные и путешественники!

Разве не заманчиво рассказать об этом детям?

Жизнь Василия Михайловича Головнина особенно привлекла нас своими необыкновенными трудами и своими необыкновенными событиями.

Мальчик, выросший под Рязанью и никогда не видавший моря, но стремящийся страстно к нему, мечтавший о морской славе России, он сумел осуществить свою мечту и стать одним из просвещённейших и гуманнейших людей того времени, учёным-путешественником, знаменитым русским капитаном, имя которого повторяли моряки всех стран.

Но нелегко далась ему его морская слава.

В ту пору, когда учился Головнин — это был самый конец XVIII века, — морской корпус находился в Кронштадте. Нравы в корпусе были жестокие, образование — весьма недостаточное для морского офицера.

Головнину приходилось самому пополнять свои знания. Он был склонен к наукам, изучил много языков. По натуре был храбр, смел, в решениях и действиях своих твёрд и быстр.

Он первый русский капитан, совершивший кругосветное плавание на русском корабле «Диана», целиком построенном русскими корабельщиками-поморами.

В Симанской бухте, на мысе Доброй Надежды, «Диана» была захвачена в плен англичанами. Её побег из этого плена на виду у всей английской эскадры долгое время поражал воображение моряков всего мира своей смелостью, ловкостью и морским искусством. На этом, однако, не кончились приключения Головнина. Во время научного плавания у Курильских островов он был вероломно захвачен японцами вместе со своими товарищами и провёл в ужасном заточении на острове Матсмае более двух лет.

Он первый исследовал Южные Курилы, открыл новые острова и проливы.

Время его было далёкое от нас — эпоха царствования Александра I. Нам пришлось прочитать много книг, рыться в старинных гравюрах, срисовывать костюмы той эпохи, изучать оснастку и устройство парусных кораблей.

Но не история главным образом привлекала нас, а образ самого Головнина.

Хотелось написать морскую повесть для детей, повесть, которая волновала бы воображение, рождала бы в сердце любовь к морю, стремление к подвигу и к совершению долга, привязанность к своему отечеству и гордость за него. Нам хотелось возбудить в читателе те благородные чувства, которые, несмотря ни на какие испытания морской жизни среди опасных стихий, случайностей и ужасного плена, пронёс нетронутыми через всю жизнь до самого своего конца замечательный русский мореплаватель Василий Михайлович Головнин.

Р. Фраерман

КНИГА ЮНОГО ТЕХНИКА

Вы все, ребята, любите мастерить. И, конечно, с каждым из вас не раз бывало так, что, затеяв какое-то нужное дело, вы бросали его, если что-нибудь не ладилось или не получалось.

Нужно было, например, согнуть трубку, а она сплющилась и лопнула, нужно было спаять детали, а припай не пристал, нужно просверлить стекло, а сверло не берёт...

Хорошо, если есть у кого спросить. А ведь часто бывает, что не сразу найдёшь такого человека, чтобы ответил на все вопросы, которые могут встать перед юным техником. И сидит юный техник, ломает голову, придумывает и изобретает то, что давным-давно изобретено и придумано.

И ещё одна большая беда есть у многих юных мастеров: не всяким инструментом они умеют правильно пользоваться. А это очень важно. От того, как заправлен, наточен, налажен инструмент, и даже от того, как возьмёшь его в руки, зависят успех и качество работы.

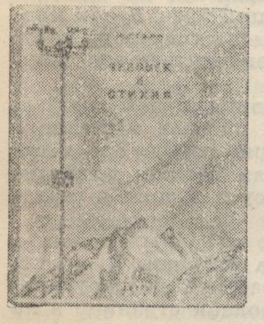
В помощь юным техникам Государственное издательство детской литературы выпустило большую, интересную книгу. Она так и называется — «Книга юного техника».

Авторы этой книги — тт. Киселёв, Микиртумов, Хлебников и Честнов — раскрыли читателям много «секретов» мастерства, дали много полезных советов, рассказали много важных сведений о разных материалах, инструментах и о работе с ними. Пионер, внимательно прочитавший эту книгу, может смело браться за дело.

Конечно, запомнить всё, что рассказано в этой книжке, сразу невозможно. Да и не нужно это. Лучше постарайтесь достать её для звена или хотя бы для отряда, чтобы можно было при затруднении заглянуть в эту книжку, и она без лишних слов, по-деловому, как опытный старший товарищ, даст простой и ясный совет.

А. Некрасов

«ЧЕЛОВЕК И СТИХИЯ»

Слышали ли вы, что солнце может вести дневник и само отмечать, когда оно выходит на работу? Знаете ли вы о том, что у Индийского океана и Средиземного моря разный «почерк», и о том, что есть Робинзон-автомат, который живёт на необитаемом острове и каждый день посылает по радио вести, какая на его острове погода?

Если вы хотите обо всём этом узнать, прочтите книгу писателя М. Ильина «Человек и стихия», которая недавно вышла в Государственном издательстве детской литературы.

В этой книге рассказано о многих изумительных вещах. Они происходят вокруг нас, каждый из нас с ними сталкивается, но большинство ничего о них не знает.

Писатель М. Ильин рассказывает об учёных, которые видят невидимые реки, текущие высоко над крышами домов и в глубине бурных морей; о механическом мозге, который хранит в памяти миллиарды цифр и знает, какая температура была в Москве 2 января 1903 года; о том, как ветер, дождь и снег были неграмотными и как их научили писать.

«Человек и стихия» — это книга о погоде и о людях. Из неё вы узнаете, почему меняется погода, отчего бывает гроза или град, откуда берутся тучи и куда исчезает лёд. И узнаете о людях, которые научились предсказывать, будет завтра солнце или дождь и какого числа замёрзнет в этом году Волга.

«Мне хотелось бы,— говорит автор,— чтобы мои читатели так же, как и я сам, удивились тому, какое это интересное и мудрёное дело — смотреть тысячами глаз, и сколько понадобилось людям ума и воображения, чтобы научиться отвечать на, казалось бы, простой вопрос: «Какая сейчас погода на земном шаре?»».

Прочтя эту увлекательную и интересную книгу, смотришь на мир новыми глазами и начинаешь понимать, как связаны в одно целое солнце и земля, ветры и морские течения, реки и облака, ледники и вулканы. И ещё более поражаешься смелости и силе человека, который не только изучил все эти явления, но уже успешно пробует ими управлять.

А. Алексеев

О тех, кто не боится простуды

А. Дорохов

Прошлым летом мне довелось побывать на Новой Земле. Наш пароход бросил якорь в проливе Маточкин Шар. Хотя стоял июнь, но низкий берег был ещё покрыт снегом.

Большие пароходы попадают сюда нечасто. Из домика на берегу выбежала кучка ребят поглядеть на редкого гостя. Один маленький новоземелец так торопился, что не успел даже обуться, и летел по снегу босиком.

— Вот это парень!—улыбнулся вышедший со всеми на палубу корабельный кок.—Не боится простуды!

Глядя на этого закалённого паренька, я невольно вспомнил о тех ребятах, у которых делается насморк, если они войдут в комнату, где открыта форточка.

Почему так легко простужаются эти ребята?

Потому что их организм не привык к резким переменам температуры. У них слабая, вялая кожа, которая не предохраняет их от холода.

Как же им быть? Так и бояться всю жизнь любого ветерка?

Нет, унывать им не следует. Эта беда поправимая.

Наш организм обладает одним замечательным свойством: он может приспосабливаться и привыкать к различным условиям; важно только, чтобы это приспособление шло постепенно и непрерывно.

Да, впрочем, любой из вас каждый год испытывал это на себе, только, может быть, не обращал внимания. Вспомните, как неприятны первые морозы в начале зимы. На термометре всего один—два градуса ниже нуля, а у вас уже и щёки, и уши, и нос мёрзнут. А в феврале вы бегаете на каток в десятиградусный мороз—и щёки только слегка пощипывает. За три месяца кожа вашего лица привыкла к морозному воздуху, от которого она отвыкла за лето.

Вот почему так смело бежал босиком по снегу мальчик с Новой Земли. Он с раннего детства привык бегать босым по холодному песку. Его ноги не боятся холода так же, как ваши щёки.

Как же и вам приучать себя не бояться ни холода, ни жары? Как научить свой организм надёжно защищаться от того и другого?

Путь к этому один — закалка. А средств целых три. Эти средства не продаются в аптеках, но пользоваться ими может каждый. Это воздух, вода и солнце.

Почему даже те колхозные ребята, которые не занимаются физкультурой, обычно здоровее и крепче городских? Потому что они гораздо больше времени проводят на воздухе. Свежий воздух—это лучший врач. В нём много кислорода. А чем больше кислорода получает кровь, тем лучше она питает все наши органы.

Я читал недавно дневник одной пионерской дружины, которая провела нынешним летом большой туристский поход. Два месяца ребята путешествовали пешком по Карелии. Они ночевали в лесу и в поле, в палатках и в шалашах.

Я читал в дневнике о холодных ночах, о ветре, который раздувал палатки, и о дожде, который до утра барабанил по парусиновым стенкам. Но ни на одной странице я не нашёл слов «насморк» или «кашель».

— Неужели никто из вас не простужался?—спросил я автора дневника.

— Конечно, нет,— ответил он.— Ведь мы всё время были на воздухе и на ветру.

Привыкайте к холодному воздуху и вы. Как можно чаще проветривайте вашу комнату.

Зимой открывайте форточку на полчаса не реже двух раз в день — утром и перед сном. Летом спите с открытым окном, осенью и весной — с открытой форточкой.

Есть ребята, которые думают, что лучший способ не простудиться — это потеплее одеться. Они и летом играют в лапту в пиджаках и длинных брюках. А уж зимой на них жалко смотреть: идут на лыжах в шубах, вниз наденут два свитра да ещё шею обмотают вязаным шарфом!

И получается совсем наоборот. Такие-то неженки и простужаются первыми. Сначала вспотеют, а потом остановятся отдохнуть, расстегнутся и простынут. И так-то их организм не привык к холоду, а тут ещё их разгорячённое, потное тело обвеет морозным ветром. Вот и начнут чихать и кашлять.

Чтобы хорошо закалиться, надо и летом и зимой не кутаться, а одеваться так, чтобы только не было холодно. Летом, на стадионе, бегайте в трусах и майках. На лыжах ходите в плотном лыжном костюме, а под него надевайте только полотняную рубашку и тонкий свитерок. На ноги надевайте шерстяные носки, на голову — шапку с наушниками, на руки — рукавицы.

Чем легче вы одеты, тем лучше дышит ваша кожа. А это очень важно. Ведь человек дышит не только лёгкими. Он поглощает воздух всей поверхностью кожи через сотни тысяч её пор.

Раньше люди этого не знали. Однажды в Италии на большом празднике один мальчик изображал живую статую. Чтобы сильнее поразить зрителей, этого мальчика покрыли с ног до головы золотой краской. Через несколько часов бедный позолоченный мальчик умер. Он задохнулся, потому что густая краска не пропускала воздуха и кожа его не могла дышать.

Вспоминайте об этом, когда моетесь. Помните, что пот, смешиваясь с пылью, закупоривает поры, которыми дышит кожа. Свежий воздух идёт впрок лишь тому, у кого чистая кожа.

Но вода не только делает кожу чистой. Холодная вода — это лучшее средство для закалки.

Каждый из вас, конечно, купался. Вы знаете, как краснеет и приятно горит вся кожа, когда окунёшься в холодную воду и сразу выскочишь на берег. Что же произошло? Почему это от холодной воды вам стало вдруг тепло?

А случилось вот что. Когда вы окунулись, кровь от внутренних органов прилила к поверхности кожи, чтобы своей теплотой оградить вас от холодной воды. Вот почему так полезно купаться. Во время купанья организм привыкает быстро защищаться от холода, а кожа получает больше крови, лучше питается и становится более крепкой и упругой.

Но купаться можно только летом. Зато обтираться холодной водой можно и нужно круглый год. Так закаляются спортсмены.

Приготовьте с вечера воду в кувшине. А утром, как проснётесь, после зарядки, намочите в этой воде полотенце и оботритесь мокрым полотенцем с ног до головы. Затем насухо вытритесь другим полотенцем. Это заменит вам купанье.

А когда привыкнете обтираться и не станете охать от холодной воды, начните по утрам обливаться из кувшина, стоя в тазу. Это ещё лучше.

Обтираться холодной водой надо начинать уже сейчас, пока ещё тепло, и делать это обязательно каждый день, не пропуская ни одного утра.

Третье средство для закалки — это солнце.

От солнечных лучей наша кожа покрывается загаром. Загорелая кожа не только красивее белой. Она лучше предохраняет организм от жары и холода и лучше защищена от микробов, которые вызывают болезни.

Но загорать надо умеючи. С солнцем шутить нельзя; даже слабое северное солнце может наделать много вреда тому, кто ещё не привык с ним дружить.

Чтобы солнце принесло не вред, а пользу, надо привыкать к нему так же постепенно, как к холодному воздуху и воде.

Одно дело — закаляться, а другое — простужаться. Поэтому весной и осенью сразу после тренировки надевайте костюм, а не остывайте на ветру. После прогулки на лыжах сразу надевайте пальто, пока ещё не остыли.

И уж во всяком случае не вздумайте бегать босиком по снегу или выбегать зимой из тёплой комнаты на мороз в одном костюме. Пока ещё вы не закалились так, как новоземельские ребята, я не советую вам им подражать. Наверняка простудитесь!

Но если вы с завтрашнего дня начнёте постепенно закаляться воздухом, солнцем и водой так, как здесь рассказано, то со временем вам тоже не будут страшны ни жара, ни холод.

И этим вы выполните то большое обещание, которое дал товарищу Сталину XI съезд комсомола, — вырасти закалёнными, не боящимися испытаний, готовыми к труду и обороне.

На школьном стадионе

В этом году на летних соревнованиях в Москве выступали мальчики в голубых майках с крупной белой нашивкой «545». Это были спортсмены нашей школы.

Всё лето эти мальчики аккуратно приходили в школу, почти так же аккуратно, как зимой на занятия. Только они не садились за парты, а шли на спортплощадку играть в волейбол или в баскетбол или заниматься бегом, прыжками, гимнастическими упражнениями.

Вот сейчас я пишу статью, а в окно мне видна вся наша спортплощадка. Когда-то здесь был пустырь, заросший бурьяном. А теперь это — хорошо оборудованное, ровное поле, обсаженное молодыми липами. Всё здесь, начиная с голубых садовых скамеек и кончая утрамбованной беговой дорожкой и точно размеренной баскетбольной площадкой, сделано самими ребятами.

Я смотрю в окно. Вся площадка передо мною как на ладони. Сейчас здесь собралось около тридцати мальчиков. Дежурный Боря Будаков посыпает дорожки песком. Он уже принёс и воду для поливки цветов. Два неразлучных друга, капитаны баскетбольных команд Володя Ерин и Шура Берёзин, бегут наперегонки по дорожке. Наш лучший прыгун Игорь Почиталин тренируется на брусьях. Жаркий «бой» идёт на волейбольной площадке. Счёт, повидимому, напряжённый: я вижу, как волнуется Володя Аверкин. Вот он хорошо взял низкий мяч и дал пас своему соседу Лёне Губенко. А Лёня — это капитан волейбольной команды, он один из лучших моих помощников, всё лето он занимался с младшими ребятами.

На баскетбольной площадке, среди других ребят, я замечаю Ваню Угарова. Это один из самых активных баскетболистов. Но он не только хорошо играет; многое здесь, на площадке, сделано его руками: Ваня сам починил шесты и сделал новые баскетбольные щиты.

Многих спортсменов сейчас нет. У каждой секции свои часы занятий, и ребята приходят в разное время. Но можно без преувеличения сказать, что все мальчики, которые никуда не уезжали на летние каникулы, занимались на нашей спортплощадке. За это лето в нашей школе прибавилось около ста новых значкистов, полностью сдавших нормы на значок БГТО.

Но лето кончается. Недалёк тот день, когда начнутся школьные занятия. Значит ли это, что спортплощадка закроется и «летний сезон» будет закончен? Нет, наша спортивная площадка будет жить круглый год.

Сентябрь и октябрь должны стать такими же спортивными месяцами, какими были у нас май, июнь и июль. Мы будем проводить уроки физкультуры не в зале, а на площадке. А после уроков здесь будут работать спортивные секции.

Конечно, осенняя непогода может помешать осуществлению некоторых наших планов. Но ведь за дождливыми днями обычно наступает тёплая, сухая погода. Иногда весь сентябрь и половина октября бывают солнечными и тёплыми. Так или иначе, мы твёрдо решили использовать все хорошие дни: продлить наше спортивное лето. А зимой это ровное поле, эти беговые дорожки и аллеи превратятся в каток. Там, где сейчас баскетбольное поле, будет снежная горка для малышей.

Когда съедутся все ученики, на площадке будет гораздо больше народа, чем летом. Мы уже всё обдумали и нашли выход из этого положения: надо точнее разметить часы для игр команд и занятий секций и установить более строгое дежурство.

Упорно тренируются баскетболисты.

Лёня Губенко показывает, как гасить мяч.

Я уверен, что мы справимся с этой работой. Ведь я не один, у меня много хороших, верных помощников. В сводном журнале спортивной площадки записаны фамилии мальчиков-тренеров, то есть тех ребят, которые уже сами обучают других школьников. Про одного из них я уже сказал — это Лёня Губенко, другой — Мэлис Гильденгорн, тренер баскетбольной команды. И таких мальчиков много.

Начало школьных занятий ознаменуется у нас большим спортивным праздником. Это будет смотр наших летних достижений.

Праздник откроется торжественным парадом всех физкультурников школы, затем начнутся соревнования по бегу на 60, 500, 1000 и 3000 метров, по толканию ядра, по прыжкам в высоту и длину, по гимнастике, по метанию гранаты. Спартакиада будет продолжаться два дня.

Спортивный праздник поможет нам привлечь к спорту новых ребят и объединить их в спортивном коллективе.

Д. Г. Плинк,
преподаватель физкультуры,
545-я школа, Москва.

Рассказы двух капитанов

Самые младшие

В нашей команде играют ученики четвёртых классов. Сначала никто не верил, что вот мы, четырёхклассники, действительно сможем играть в баскетбол. Я, помню, позвал Славу Петрова играть, а он мне ответил, что не хочет проигрывать. Он был уверен, что мы обязательно будем проигрывать. А потом, когда прошло некоторое время и наш тренер, семиклассник Мэлис Гильденгорн, научил нас играть, Слава сам попросился в команду. Он сейчас играет с нами.

Юрий Ежелев занимается прыжками с младшими ребятами.

Мы играем два тайма по 15 минут каждый с перерывом в 10 минут. После игры мы принимаем душ и отдыхаем.

Шура Березнев,
капитан баскетбольной команды.

Первое место

В этом году наша волейбольная команда завоевала первое место в Москворецком районе Москвы. Нам помогла тренировка на спортивной площадке. В начале лета после занятий многие мальчики разъехались, и нам пришлось заново сколачивать волейбольную команду. Но мы тренировались очень серьёзно. Даже Слава Наумов, Боря Поликарпов и Володя Сидоренко, которые совсем недавно начали играть в волейбол, стали хорошими, точными волейболистами.

Главное, у нас дружная команда. Мы никогда не ссоримся во время игры, не попрекаем друг друга. Этому нас научил наш руководитель Дмитрий Густавович. Он всегда нам говорил:

— Сила команды не в отдельных игроках, а в общей слаженности, в сплочённости.

Мы всегда помним это. Даже когда случается неудача, мы стараемся не приходить в уныние, не отчаиваться, а подбадриваем друг друга, помогаем в игре.

В этом году я учил играть в волейбол младших мальчиков, показывал им, как надо пасовать, как подавать, как брать низкие мячи. Все эти ребята будут хорошими волейболистами, и когда мы, старшеклассники, окончим школу, они станут на наши места.

Лёня Губенко,
капитан волейбольной команды.

СОДЕРЖАНИЕ

Гвардейское знамя. — *Стихи Ю. Яковлева* . II пол. обл.
Золотое перо. — *Стихи Жакана Сыздыкова. Рис. Е. Ребиковой* . . . 1 стр.
Дети Горчичного Рая. — *Повесть Н. Кальмы. Рис. В. Цельмера* . . . 2 „
Песенка-побудка. — *Стихи Е. Благининой* . . . 8 „
Лагерь в парке. — *А. Елагина. Фото С. Преображенского* . . . 9 „
Летний день. — *Стихи Е. Трутневой. Рис. В. Константинова* . . . 14 „
В одной станице. — *Рассказ Георгия Дмитриева. Рис. П. Кузьмичёва* . . . 16 „
Великий физиолог. — *А. Студитский, профессор, доктор биологических наук* . . . 20 „
Киби. — *Рассказ Вл. Архангельского. Рис. Г. Никольского* . . . 25 „
По Эстонии . . . 28 „
Советы старшего вожатого . . . 32 „
Будь здоров! — *Стихи В. Гурьяна. Музыка Д. Прицкера* . . . 33 „
В мире книг . . . 34 „
О тех, кто не боится простуды. — *А. Дорохов. Рис. Л. Тараканова* . . . 36 „
На школьном стадионе . . . 38 „
Цветы зимой. — *С. Ижевский. Рис. Ф. Лемкуля.* III и IV пол. обл.

На обложке: картина Л. Соловьёва „Ветреный день"

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 26/VII — 49 г. Изд. № 610. 82×110. ¹/₁₆ бум. листа.

А — 09507. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58.000. Заказ № 1791.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ландыши зимой

С. Ижевский

Все первые весенние цветы: белые подснежники, синие пролески, яркие тюльпаны и нарциссы — луковичные растения. Ранней весной, чуть пригреет солнце, они сразу идут в рост.

Все эти растения спешат отцвести до наступления летней жары. Летом листья их желтеют и засыхают. Жизнь растения сохраняется в земле, в живой сочной луковице.

Осенью, когда выпадут дожди, у луковиц вырастут молодые корни, глубоко уходящие в землю. До начала зимы луковицы хорошо укореняются. Зачатки цветочной стрелки уже заготовлены внутри луковицы. Они дожидаются первых весенних дней, чтобы выбросить наружу стрелку с красивыми цветами и зацвести раньше всех.

Купите в цветочных магазинах и садоводствах или у любителей-садоводов крупные луковицы тюльпанов, нарциссов и гиацинтов, а луковицы подснежников и пролесков разыщите в лесу и выкопайте. В октябре — ноябре посадите их в небольшие глиняные горшки. Большие горшки не нужны, потому что растения будут развиваться за счёт питательных запасов, накопленных в луковицах. На дно горшка надо положить черепок и немного песка, чтоб при поливке не застаивалась вода, а сверху насыпать рыхлой садовой земли так, чтобы верхушки луковиц немного выглядывали из земли. Землю вокруг луковицы плотно обожмите, полейте растения так, чтобы вода прошла насквозь, и установите горшки в ящик глубиной в 25—30 см. На дно ящика перед этим насыпьте слой сырых опилок толщиной в 3—5 см. Установив горшки, засыпьте и их опилками так, чтобы не осталось пустого пространства между горшками и чтобы горшки были покрыты слоем опилок в 8—10 см. толщиной. После этого ящик с горшками накройте доской и поставьте в прохладное место, — в подвал или кладовую, где держится температура около одного—двух градусов тепла. Через две—три недели у луковиц начнут образовываться корни, — в это время их надо ещё раз полить. Месяца через полтора—два надо вынуть для пробы один—два горшка и, осторожно выбрав растение из горшка, посмотреть, как развились корни.

Если корни сильные, а сверху у луковицы появился толстый росток в 8—10 см. длины, горшки можно вынуть из опилок и, полив водой, поставить их на окно, накрыв сверху колпаком из бумаги. Колпак нужен для того, чтобы предохранить ростки на первое время от сухого комнатного воздуха и чтобы постепенно приучить растения к свету.

Луковичные растения, попав из холода в тёплую комнату, чувствуют себя так, как будто наступила настоящая весна. Они начинают жадно поглощать воду корнями, поэтому их надо чаще поливать. Быстро растут листья, между ними вы скоро увидите и цветочную стрелку. Как только она вполне оформится, бумажные колпачки можно снять. Вскоре у вас на окне расцветут подснежники, нарциссы и тюльпаны. Чтоб цветение тянулось дольше, поставьте цветущие растения в прохладное место.

Ускоренное выращивание луковичных растений называется в садоводстве «выгонкой». Садовод «выгоняет» их в цвет намного раньше того срока, когда они зацветают в природе. Если вы посадите луковицы в сентябре—октябре, то они могут зацвести к Новому году.

У отцветших луковиц быстро желтеет листва — с этого времени надо прекратить поливку растений, а с наступлением весны высадить луковицы в сад. Осенью у вас будут свои луковицы для выгонки.

На корневищах ландышей с осени образуются почки. Они не все одинаковы: одни толстые и тупые, другие тонкие, остроконечные. Если вы разрежете толстые почки острым ножом, то увидите в них зачатки цветочных стрелок.

Для зимней выгонки как раз нужны корневища с цветочными стрелками. Накопайте их в лесу и пересадите в ящики с рыхлой и влажной землёй. Ящики прикопайте в саду или во дворе, в тенистом месте. Зимой ящики занесёт снегом и корневища хорошо промёрзнут. В начале декабря откопайте ящики и внесите в прохладное помещение, чтобы они оттаивали постепенно.

Через несколько дней оттаявшие корневища выньте из ящика и пересадите в горшки, наполненные смесью торфа, рубленого мха и лёгкой песчанистой земли, накройте их сверху слоем мха, хорошо полейте и поставьте в тёплое место с температурой не ниже 25° (на батарею или на протопленную печь). Прикройте растения картонными колпаками и несколько раз в день опрыскивайте их тёплой водой.

Очень скоро сквозь слой мха пробьются ростки ландышей и покажутся бледные стрелки цветов. Тогда перенесите ландыши в более прохладное и светлое помещение, и они быстро расцветут.

Цена 2 р. 50 к.

Вот какие красивые яркие цветы вы, ребята, можете вырастить зимой и украсить ими свой класс:

1. Пролеска двулистная. 2. Нарцисс жёлтый. 3. Тюльпан степной. 4. Нарцисс белый. 5. Ландыш майский. 6. Подснежник. 7. Тюльпан лесной. 8. Гиацинт степной.